

Нарисуй мою душу

Несказка о душе и человеке...

16+

Иван Ельчанинов

Иван Владимирович Ельчанинов
Нарисуй мою душу.
Несказка о душе и человеке

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48440300

SelfPub; 2019

Аннотация

«Нарисуй мою душу» – это роман о душе и о человеке, как об отдельных компонентах. Это роман о мире, о войне, о любви, о боли, о предательстве, о счастье и о горе, и о горах богатств, и о море страданий и слёз. Это роман о процветании и справедливости... Один художник жил на Земле, другой на Луне. Их разделяли расстояние и время, но две дороги умудрились стать единым целым, чтоб людям подарить нечто большее, чем жизнь...

Пролог...

Ноги привели к единственному, бедному дому из всех, что он встретил по дороге! Руки не противились, расталкивая прохожих, шагающих не мимо, а в лицо. Ты их толкаешь сильно, но с улыбкой – они отходят на два шага, глядят на тебя во все глаза и не понимают, зачем ты это сделал! «Потому что иду!», – отвечаешь себе, не говоря им ни слова, потому что уже ушёл, потому что прошёл мимо...

«Они пытались меня остановить, будто их плечи знают больше, чем мои ноги!», – оправдывал он себя перед порогом, вместо того, чтоб помолиться, хотя молиться он умел. Взгляд снизу-вверх на храм, и эмоции были высоки, как во всех важнейших эпизодах его жизни, но не посчитал храм равным себе и теперь ожидал лёгкой победы...

Храм не похож на храм, он походил на бледный дом дворянина, который давно обеднел своими стенами от одиночества и опустошённости – ни купола на нём, ни солнца и ни креста, и ни месяца ясного.

Блеклые стены, чёрные окна, избитый ногами порог, и не поймать глазам ничего примечательного – ни узора, ни рисунка, ни числа, ни слова доброго. Ничего в этом сооружении не намекало на божественность, но пришедший был убеждён, что это и есть тот самый храм, столица их мысли, причал благоразумия.

«Да уж!», – подумал он. – «Вот так народ! И почему же говорит на нашем языке? Не уж то красоту и в нём они нашли? Или это мы говорим на их языке?!».

Храм отличался от всего, что его окружает! Выглядел, как только что разбогатевший нищий среди уже пропитанных богатством толстосумов!

Весь город так красочен, а сердце его оказалось пустым, как душа человека для мыслей каждого, кто жил в этом городе!

Данучи вошёл в открытые двери без скрипа и шороха.

Внутри храма светло, горят тысячи свеч, но ни лоска здесь, ни яркости цветов, ни благовоний, ни святой посуды. Голые стены лишь с трёх сторон, а на одной нарисованы символы на выдуманных кем-то языках. Белый пол, чёрный потолок, а на колоннах лики Бога, которому молился здешний народ. Как думаете, на кого он похож?

До настоятеля тридцать шагов, двадцать ударов пульса, пять мыслей и, всего лишь, одно событие!

Сделал шаг, и он не услышал, затем ещё пять, а потом четыре. Следующие шаги настоятель слышал, но не собирался оборачиваться, ему было страшно. Поверьте, запах страха очень вкусен.

Данучи не спешил, глядел в сутулую спину врага, подкрадывался к ней, подобно голодному волку и размышлял, что носит на горбу этот двоякий персонаж – с душой, казалось бы, безгрешной, но, как бы не так! Хоть спрятал душу в свя-

том месте, грех сам тебя разыщет и придёт!

Клыки оскалились, в глазах голодный блеск. «Может, убить его? И всё! Конец войне! Всего-то, одна смерть. Зачем сегодня мне калечить миллионы?!», – нежданно поменялись планы в голове Данучи! Остаток добродетели топтался в стороне, растоптанная совесть скулила в уголке!

Не любил такие моменты – когда всё меняется в голове, когда душа темнее ночи, хотя лишь миг назад мигал в ней свет! Огонь в ней тухнет, и ты лишаешь жизни тонким льдом, чтоб провалился и навсегда запомнил, как погиб – когда течением под лёд уносит, и ни один не решится нырнуть и спасти! Ни один...

«Жизнь, как душевная песня, где ноты шепчутся, а под конец взрываются, кричат...» ...

Словно в ответ на все его мысли, в храм ворвались десяток солдат. Через три вдоха и три выдоха их насчиталось сотня!

Данучи был окружён, но атомы страха в молекулах напротив. Другой бы сдался, а он лишь выдавил смешок и представил, что он и без меча их победит – настолько был уверен в своих силах.

Они разгадали созданную им иллюзию, тем самым разолив, и все его благородные планы окончательно провалились под лёд, превратились в песок и утонули. Но на это сейчас ему было плевать, ведь они разбудили инстинкты!

«Придётся действовать по последней мысли!», – решил он и вытащил меч из ножен, – «Убью его и освещу дорогу всему

Роду человеческому!».

–Художник, – неожиданно воскликнул настоятель, даже не изволив обернуться. – Не думал, что ещё когда-нибудь тебя увижу!

–Откуда ты знаешь, кто я? – спросил Данучи, стараясь не предать вопросу значимости, хотя слова оппонента взволновали. – Как ты понял, что я художник?

С тяжёлым вздохом настоятель поднялся на ноги и наконец повернулся к Данучи лицом, но этим не вызвал в нём никаких эмоций, не взбудоражил былых воспоминаний.

Другой же художник, наблюдавший за этим, «чтобы не жить, как живёт Данучи», действительно, был удивлён. На лице настоятеля шесть татуировок – одна над глазом, две на щеке и три на подбородке. Для него это то совпадение, что может много значить!

–Твои руки дрожат, они жаждут рисовать души! Без этого ты не можешь – в этом твоя суть. Хоть какой ты облик примеришь, я уже не смогу не узнать тебя, художник.

Все слова намеренные, начало правдиво, конец сквозит ложью – Данучи это раскусил. Настоятель улыбался каждым словом, но он ещё не знал, что его ждёт!

–Меня выдал меч?

–Да, – признался настоятель, и Данучи прищурил глаза, впившись взглядом в собеседника.

Ростом ниже той сотни бойцов, что его окружала – смотреть в глаза было удобно, но Данучи не мог в них разглядеть

важного, и это злило! Глаза, как Вселенная – в них и темнота, и свет, что всю темноту покоряет. Темнота его покорна и рождает доброту, но сегодня её применять не придётся.

–Ты так изменился с момента нашей встречи. Ты совсем другой... – растерянно промолвил настоятель, а художнику не понравилось каждое слово.

–Какой ещё встречи? Я тебя вижу впервые, старик! – наконец, не выдержал давления эмоций и вспыхнул, и лишь поэтому затем солгал. – До памяти моей никто не прикоснулся, и я не мог тебя забыть!

–Однако, пол века назад ты позволил мне дотронуться до неё, – почуяв ложь, солгал взаимно настоятель, точнее, исковеркал правду.

–Не играй со мной! – не на шутку разозлился Данучи и зарычал, показав всем клыки, и каждый отступил на шаг под взрыв эмоций – даже настоятель...

–Алуар, – представился он после продолжительной паузы. – Моё имя – Алуар.

–Знаешь, для чего я пришёл, Алуар? – спросил он так спокойно, будто забыл, что только что рычал.

–Нет, и мне не интересно это! – усмехнувшись ответил настоятель и спросил. – Знаешь, кто ты такой, Данучи?

Художник хищно оглядел всех воинов, посмеявших окружить его – их бояться не за чем, они сами боятся его, их колени дрожат, их взгляд себя отводит, боится заглянуть в его глаза, а губы не посмеют сорвать с себя ни слова – даже, если

им прикажет настоятель.

Затем вновь заглянул в Алуара, чтоб ещё раз не понять, что у него внутри! «Душа его – наконечник стрелы, но воевать такие стрелы не умеют, могут что-то начертить или чай принести. Как он до сих пор жив с такой-то душой?! Видимо, не зря он их правитель!», – думал Данучи, отсчитывая секунды, сколько тому осталось жить!

–Хочешь узнать правду о себе? – настоял Алуар, не дав художнику досчитать.

Данучи делал вид, что ему это не нужно, но он обычный человек, и ему также, как и каждому, хочется знать о себе то, что сокрыто. Это с одной стороны, но с другой Алуар излучал такую опасность, какой художник не встречал. Её ароматы уже проникли в нутро и помешали мудро оценить ситуацию. Завлекающим оказался ход конём. «Важно, не ответить на него бездарным шахом!», – цедил мысли Данучи, а настоятелю ответил:

–Даю минуту!

–Пол века назад ты пришёл в этот город, – не теряя драгоценных секунд, поспешил Алуар. – Желал стереть его, но вспомнил, кто ты, прозрел от силы, очнулся, наконец-то, ото сна. Впервые осознал, что мир наш не игрушка! Представляешь? Впервые...

–Бред! – прервал его Данучи, хоть видел, что не лжёт. – Ты изобразил ребёнка.

–Так и есть. Тебе было четырнадцать.

–Нет, – замотал он головой, будто бы сам себя уговаривал не верить.

–Никто из нашего народа не рискнёт солгать тебе! Кто подтвердит, что художник пришёл в наш город пол века назад?

Вверх вспорхнула лишь одна рука, через секунду ещё пять, и, судя по выражению лица Алуара, их было меньше, чем рассчитывал. Многие не рискнули – ожидания не оправданы. Нельзя ожидать большего – может растеряться вкус ко всему.

–Ты вёл войну против нас. Ты и все короли, что правили людьми. Их мы не воспринимали всерьёз, как противников, а пред тобой боялись шевелиться.

–Почему? – спросил художник, хоть слышал на этот вопрос миллион ответов, но, почему не послушать ещё один.

–Потому что ты можешь покорить любую душу, а, значит, ты можешь всё! – сделал паузу и продолжил в другой манере. – Но сейчас всё иначе, теперь тобою правит меч, которым ты не научился проигрывать. Он мешает тебе жить. Причина темноты твоей души в нём. Ты ведь не знаешь, чью душу мы заперли в мече...

–Ложь! – зарычал Данучи. – Никто ещё не придумал тюрьмы для души! Причина не в мече!

–В чём же, если не в нём? – спросил он так, словно непоколебима его истина, спросил он, глядя сверху вниз.

–В том, что мне не дано помнить больше, чем последний

год моей жизни. Я ни события не помню из того, что было два года назад, а ты мне про пол века. Таково моё проклятье, и не встретил никого, кто отведдал большего наказания, чем я!

Данучи сделал несколько шагов вперёд. Сто воинов напрыглись, мечи в их руках задрожали, а Алуар пал на колени и зарыдал так громко и так горько. Все эти пол века он искренне верил, что художник счастлив, нашёл покой, любовь и женские руки. Если бы он только знал, что за судьбу подарил художнику, то на коленях бы прощение просил, а не играл словами.

–Прости меня, прости меня, прошу! – сквозь рыдания просил он его, а солдаты вокруг оцепенели, не зная, что делать, ведь художник медленно, но верно приближался.

–Видимо, такова моя судьба, – ответил Данучи, не понимая, за что тот просит прощения.

–Разве, это судьба? – воскликнул Алуар и умоляюще взглянул в глаза художника. – Это не судьба, это её насмешка!

–Улыбнись, настоятель! Твоя смерть закончит войну!

–Конец войны? – запоздало оживился Алуар. – Ты уверен, что желаешь именно конца? Это, как убить душу смерти, и мы будем вечно жить под стометровым слоем насекомых.

–Прости, – прошептал Данучи, остановившись в трёх шагах.

–За что?

Вместо ответа чёрный меч мелодично взмыл над головой настоятеля, был жестоко обхвачен обеими руками, желал сорвать с плеч голову врага и сорвал бы, но Данучи отвлёк осуждающий взгляд. Взгляд невидим и неведом для Алуара и для всех собравшихся, но Данучи видел его ясно, как день – быть может, не последний для него!

Лишь одно осуждение, лишь одна половина секунды сомнения, а последствия подобны катастрофе, но о них не сейчас.

Чей-то клинок обрушил всю свою мощь на руки художника, и чёрный меч впервые проиграл и пал вместе с кистями рук на белый пол Святого храма...

Вступление неизвестного персонажа...

"Не знаю, кто я. Не знаю, как меня зовут, как называют!

Чем меня величать? Стоит ли уважать? Нужно ли бояться? Есть ли смысл в страхе перед тем, кто добровольно решился отдать свою душу, вопреки всем её возможностям?!

Другой вопрос – кому меня бояться и для чего? Я ведь не дикий зверь, не пойман я в степи! Я, всего лишь, человек, как и каждый, что посмел окружить мою жизнь...

Мои мысли, порою, рычат, но чаще говорю спокойно, без резких эмоций...

Гнался за собой, искал свои следы, чуял свой запах, слышал свой вой и бежал, и бежал, надеясь кого-то увидеть.

Бег был напрасен – где должен кто-то выть, лишь одинокая пустыня.

Всё, как с упавшей звездой, но разочарования чуть поменьше. Значит, не время ещё заканчивать путь, стоит попытаться сделать его бесконечным, раз бежать здесь некуда.

Я верю, что найду свои следы и воем уши не запудрю, и взглядом ничего не пропущу.

Мы ищем свой Рай и его находим. Для кого-то Рай это стать персонажем любимой книги, но жить её так, как сам пожелаешь, и, желательно, бесконечно!

Пронёс свет в наш мир, подобно героям из мифов, но в собственной комнате было темно.

Тьма уже давно приглашена в наш мир и за все века не исчезла ни разу, но рядом со мной ей не оказалось места, не смотря на темноту. Свет фонаря, порою, слепит!

Она знала больше моего. «Ну и что из этого?!», – спросили бы многие, но я не спросил.

Зато не знает то, что только я один и знаю. Больше никто, даже она...

Можно сделать одним целым обе стороны монеты – эта ошибка способна погубить всех будущих персонажей, о которых захотелось мне рассказать.

Поймёт тот, кто знает, о чём говорит, поймёт и тот, кто не знает.

Мне было виднее, как поступать. «Довериться себе, а не другим – благоразумие!», – считал я. От собственных дово-

дов мнение становится непоколебимым и начинаешь замечать, что тебе перестали перечить. Не то, что все доверились каждому жесту. Нет, такого не было, но задумывались о каждом...

Даже самыми, тёмными словами и мыслями будил любовь от вечных снов, порою, добродетель, да и всё, что только пожелаю – такой стала сила моих слов.

Душа слова, то велика, то бесконечна, то желает быть запертой, то просит свободы. Я предоставил ей свободу, думая о себе, а не о других, но помог другим, а не себе. Парадокс, но он меня не улыбнул.

«Поверьте!», – кричал я людям. – «Мои желания почти чисты и загрязнить ваш мир я вовсе не желаю! Вы постарались без меня...», но редкий слушатель славится наивностью...

Это, всего лишь, первое слово, но ни у кого таких первых слов не было.

Помню движение кисти; совершенный мазок, идеальный по своему содержанию; блеклые краски, но яркий свет и свечение, что выше небес и космоса.

Вот и всё, что я помнил, перед тем, как принять важнейшее решение моей жизни – отпустить свой дар на волю, отправив его в чужие ладони, что ничем не схожи с руками человека. Представляете? Отдать свой собственный, лишь тебе одному принадлежащий дар! Поступок сроден с крайностью, но у поступка не однобока родственность.

Нет, вы не можете этого представить, не сталкивались вы с этим, да и для меня было немислимым дарить таланты. Не загубить талант, не растратить его, а именно отдать в виде дара. Загубленное и растраченное имеют путь к воскрешению, а отданное исчезнет навсегда!

Почему дар достался именно мне? Не поверите, но нашёл тысячу ответов на этот вопрос, не найдя среди них ни одного единственного.

Свои резоны и у людей, и у Высших сил, что скрылись глубоко в истории.

У всего есть своя история. У планеты, у Вселенной, у Галактики, у Бога...

Но не заглянуть в их помыслы, пока не протопашь их путь.

Скажу одно, ко мне прокралась мысль, что, если кто-то завладеет моим даром, то он, всего лишь, сойдёт с ума.

Такова глубина и этого дара. Она, всего лишь, неизвестна. Глубокое далеко от берега, а мне так не хочется барахтаться в воде. Хочу я плыть лишь собственным течением, прорубать своими силами дорогу!

Мне нужен был выбор, я сам его искал, и сам его нашёл, понадеявшись на его не случайность и верность. Верность не ревность.

Мой выбор – секундная жертвенность, а не бесконечная жизнь. Я счёл выбрать людей – и близких, и далёких, а не величие.

Судьба всех всегда выше судьбы одного, потому обрушилось смирение от этой внушённой, внушительной мысли.

Пожалею ли я позже, что прощаюсь с моим даром? Не буду лукавить – мне уже тоскливо без него, стоит лишь представить расставание, ведь он часть моей души, часть меня всего! Чем бы я не попытаюсь заполнить этот вырванный кусок, ничего не выйдет, не получится у меня ничего! Ничто в этом мире не сравнится с этим даром, потому и заменить его нечем! Синонимы не помогут, лишь усугубят.

Вы думаете, книга повествует о моей жизни и о моём даре? Нет, вы ошибаетесь. Уже расписал её в двух словах, третьё будет лишним.

Сейчас будет лишним! Что будет потом, я не знаю! Вокруг меня лишь начало. Обычно, в конце всё меняется, всё становится позволительным – конец ведь...

Моя жизнь, возможно, ярка и вовсе не банальна, но жизнь человека, что сам нарисовал её мне, намного важнее всех сказанных мною слов. Пусть я видел лишь начало его жизни, но скоро открою, что будет в середине и в конце.

В конце и признаваться то, кто я такой и кем кому являюсь, быть может, не придётся. И всё не к месту будет и не вовремя!

Да и сейчас не время откровений.

Вот так всегда. То рано, то поздно, а между ними тишина.

Сейчас я неизвестный персонаж, незаметный – быть может, и не присущий в этой истории, и меня это устраивает.

Всё меняется, знаю. И я способен быть сражённым известностью, если сам того пожелаю...

Нет смысла судорожно листать страницы, чтоб знать заранее, кто есть кто, и кто есть я. Итог узнать невозможно, если тебе неведомо начало и нутро.

Надеюсь, мой выбор не изменится, и в конце вы застанете меня в здравом уме и добром здравии, несущим ту же мысль и с той же улыбкой.

Но не всё решает выбор, и не все ступают по предназначению...

Ч

ась

1

Да коснутся губы души...

Глава 1

Вся жизнь как один рисунок

...

Простор мысли, порою, меньше жизни сигареты, но трепетнее любого огня. Мысль не помнит начала и не видит конца, не считает, что ей нельзя ошибаться. Если мысль не остановить, то она не остановится никогда. Она, как маленький ребёнок, рассказывает нам что-то постоянно, а мы слушаем, спорим и ругаемся с ней, вместо того, чтобы сблизиться, породниться и услышать.

У мыслей разное звучание, и голос мысли тоже разный,

потому по красоте их выбираем, но красота не всегда истинна – это, как встречать человека по одежке, а провожать по душе. Мысли, как мелодии – говорят так, как будто поют. Они редко стесняются своего пения – наоборот, завывают лишь громче, если отсутствует слух, но есть намёк на голос.

Мысль она такая, пусть и недооценённая, но не гордая – что бы не случилось, простит и придёт. Захочет – поднимет с колен, пожалеет; пожелает – погубит. Быть может, она слепо верит, что у неё есть душа...

Конечно, мысли человека напрямую не связаны с душой. Между ними есть определённое им пространство, которое мысли пытаются преодолеть, чтобы жизнь их не оказалась бесследной.

Их связь вовсе не значит, что у тёмной души тёмные мысли, а у светлой светлые. Всё не глубже и не шире, как обычно бывает. Всё рядом, всё близко, можно представить и предотвратить, хоть свет луны, хоть солнца закат. Но зачем? Душа возится с мыслями, как мать со своим дитя, а, что может быть глубже этой связи?

–Где твои корни? И как свои не омрачить?

–Мои корни со мной, а свои не омрачи беспамятством.

Вопросы глубоки, ответы скупы – это всё, что характеризует знания о душе. Ни одному человеку они ещё не были подвластны. Но всё когда-то случается...

Когда человек рождается, душа его, как чистый листок и рисуют на нём те, кто находится рядом. Ответственность

обостряется у всех, но не у всех побеждает, и рисунок может стать блеклым. Любимые цвета, порою, портят все цветы, что рождены быть собой, а не для кого-то.

Кто-то пишет красками, кто-то чернилами, но запачкать душу возможно и корявым мелом, и ломающимся карандашом.

Наблюдающий за ребёнком человек сам выбирает, что рисовать на его душе. Не всегда, даже, казалось бы, самый правильный выбор может оказаться верным шагом, ведь и чистые листки не такие уж одинаковые. Каждый листок со своим нюансом, эффектом и дефектом, побочным явлением и другим модным словом.

Рисовать новую душу это огромная ответственность, и, как бы не нарисовали её, большинство детей дарят рисуящим их жизнь поклон.

Да-да. Не знаю, как у вас, но у нас в этом, ничего не изменилось...

Есть и те, которые ненавидят своих художников, считая, что те перепачкали их листок, а не разрисовали, но лишь малая часть из них правы в своей ненависти. Ненависть часто бывает не права, а злость лишь кричит ненужную правду.

Когда листок перепачкан полностью, какой в нём смысл, если написать уже не куда?! Казалось бы, только открылась дверь в жизнь, а ты уже не можешь ничего ни вписать, ни исправить. «Это несправедливо.», – замечаешь ты и вписываешь в свой листок, что мир несправедлив. И даже не задумываешься...

маешься о том, что только что ты на своём полотне написал что-то новое. Пусть и малоприятное...

Редко замечаем противоречия. Возможно, потому что даже в них, в чьих углах правды не сыскать, себя считаем правыми, а мир для нас не прав во всём.

Рисующий не способен перепачкать абсолютно всё на листке своего воспитанника. Пусть и начал рисовать душу, но продолжать её вечно не сможет, и это не обсуждается. Кто-то рано, кто-то поздно, но все срываются с цепи.

Всё зависит лишь от нас, что мы себе нарисуем – когда цепь разорвана, кисть держать придётся лишь самим. Хоть справедливый мир, хоть несправедливый – рисуй! Рисуй всё, что видишь, рисуй всё, что слышишь.

Кто-то, разозлившись на весь мир, способен свернуть горы, кто-то, полюбив вселенную, с лёгкостью поставит горы на место.

Не осуждённые, кто силу получил из света, но был замечен тот, кто силу пил во тьме. Обычно это так, но опять же не всегда, иначе не жила бы в мире сказка.

Исключительное исключает повседневное, а повседневное повсюду, потому между ними война, в которой побеждают не те, кто до конца стоял на своём, а те, кто оказался ближе к правде...

«Прими любую силу, какую пожелаешь, не слушай никого!» – громкий, но совершенно бесполезный совет, ведь не слушать невозможно, если слышишь.

Как душа воспримет эту силу? Сам спроси у неё. Ты ведь, принимая решения, советуешься сам с собой. Также и здесь поступи.

Душа становится потёмками не от тьмы гнетущей, а от того, что никто не в состоянии заметить в ней свет. Человек, по своей прощительной сути, в первую очередь думает о своём, а потом о себе, затем о чужом и только после этого о ком-то.

Рассказывает о себе, делится эмоциями о себе, боготворит себя, не говоря ни фразы о своём. Слушая собеседника, не вникает в его слово, словно оно хуже, чем его. Конечно же, для него любая душа будет казаться потёмками, ведь он не то, что видеть, даже слышать её не желает. Это обидно для кого-то, но не обижайтесь. Начинать то надо с самих себя, а потом уже думать о том, почему кто-то не желает видеть вашу душу...

О душе рассказать кто-то сможет ещё пару миллионов слов, а кто-то и написать три тома рукописи и заставить её пылиться в ненужности. Они все, конечно, молодцы, но сейчас это ни к чему, раз речь пойдёт не только о ней.

Пыль лишь мешает, она не чиста и не честна. Историй без пыли почти что не бывает, и их потом не примут небеса.

–С чего начать? С него или с его мира?

–Начни с обоих...

Он был обычным человеком – угрозы не таил, обиды не держал. Это ведь обычный человек? Или нет?! Не скажу же я, что он был весёлым?! И каким вы тогда представите его?!

Одной фразой не рассказать о человеке...

Его имя Арлстау. Имя без истории и без силы. Людям нравятся придумывать новые имена и не важно, что они ничего не значат, никого не волнуют и ни во что не вовлекут. Значение можно придумать и самому, для этого вся жизнь впереди. Решить, чем взлетать, чем лететь, как упасть и утонуть, всегда успеется.

Чем он занимался? Большую часть времени ничем. Волы отдыхали, но поля затоптаны.

–Ну как ничем? Рисовал же временами. Что-то ведь было в этом...

–Что-то в этом было, но лучше говорить, как есть.

Арлстау любил рисовать и получалось так себе для профессиональных глаз, но людям нравилось, да и ему тоже. «Творческое удовлетворение!», – называл это он. Чем сильнее шедевр, тем дольше оно длится.

Выставлял картины на продажу, и их покупали, какую бы цену он не назначал. Повышалась лишь значимость, хотя сам понимал, что он не мастер и даже далеко до подмастерья. Нет в нём глубокого мастерства. «Танцевать можно тоже по-разному, но не от каждого танца бьётся сердце и раскрываются глаза.»

Однако, он верил в свою кисть настолько, что в разум прокралась идея, и художник, следуя за ней, нарисовал круглую сумму к одной картине, что вызвала в нём массовое, творческое удовлетворение. Чем-то она его зацепила, что, даже

счёл её лучшей.

На ней изображён он сам – не удивительно для тех, кто его знает. Он стоит на набережной, звёзды и луна – и на Земле, и в небесах. Небо под ногами и над головой, а вдалеке его кто-то ждёт – естественно, это женщина. Всё красиво вокруг, насыщено, ярко, но ему нет дела до красоты и сияния. Картина живой ему казалась, а это важнее её очертаний.

«Почему я должен стоять дёшево, раз ценю своё настолько высоко?!».

Его пытались переубедить писать такую сумму, ведь столько не стоит ни одна картина, а он дарил этим словам отмашки рук. Счёл, что его полотно выше других – не на голову, а на две!

«Если б я читал чувства и мысли, не послушал бы здесь никого и сломал бы себя своей кистью и разрушил всё то, что моё.», но чувств и мыслей не читал, а слов сомнения и так не слушал.

Через час после содеянного раздался звонок. Разговор был коротким, хоть и сердце вырывалось из груди.

Положил трубку и через минуту на его счёт упала вся сумма. Единственным условием покупателя было: не афишировать, не привлекать к себе славу, что высшей категории.

Сослал случившееся на удачу, но сердцем чуял всё иначе, что всё не просто так.

Ошарашен был несколько дней, что счёт его переполнен и устанешь все деньги считать. Обеспечил себя на всю жизнь.

–Что ещё для жизни надо?

–Много чего!

К своим возможностям быстро привык, и понеслось: одни просят, другие спрашивают, а он ответит всем по разу и дальше о своём рисует, но уже не продаёт холсты.

«Вода – ты моя магия, а камень – мой кудесник, песком я ослепляю все глаза...», – его девиз на завтра, а сегодня он простой человек, рисующий не лучше других художников его планеты.

«Лучше смотрите, как я творю, а не глазейте на то, как мне творить не нужно!», – и такое бывало, когда бесил его кто-то, но сам понимал, что без изъянов творить способна лишь природа. Сам знал, что у совершенства нет предела

Цель – изменить этот мир и сделать его лучше? Как бы не так – он чаще смеялся над людьми, чем к ним испытывал жалость! «Зачем менять мир? Самому бы измениться...».

Изменить сознание людей или, просто, их философию? Что из этого менее рискованно, и, что более эффективно? Без разницы ему было на эти спонтанно приходящие мысли, потому что в то время его это совершенно не касалось и не волновало.

Вся жизнь, как один рисунок. Холст избалован, и жизнь была ему подобна. Нарисовал достаточно много картин – фейерверки, фонтаны, мосты, на юг улетающий ветер, но не хватало ему чего-то в них. Душу их не мог передать полотну.

Знал, что способен создать большее – настолько, что

огонь не посмеет коснуться бумаги. С таким знанием совсем не просто живётся, приходится стремиться быть лучшим, не имея на это должных оснований и талантов.

Лучшим во всём или лучшим в своём? – Он выбирал второе. Пришлось возлюбить право многого себя лишать, хотя дано было столько, что можно смело жить десяток жизней...

Была в нём одна черта, что из разряда лучших – как бы не смотрели в него люди, как бы не заставляли скучать изучающим взглядом, они не знали, что от него ждать, и, на что он способен! Быть может, на подвиги, может, на жертвы или на жестокость, или на любовь. Много есть вариантов того, на что способен не каждый, и не все они разыщут нашу жизнь, и не все они в неё вернутся.

Жизнь его была какая-то стремительная. Вроде, что-то пытался, где-то, даже старался, и мало кто в чём-то его подводил, но время летит, а ноги ходят по тому же месту. Не этого он желал и в юности, и в детстве.

Много откладывал на завтра, считая, что завтра ничего в его жизни не изменится, и он всё также будет ходить на двух ногах, держать кисть в дрожащих пальцах, бережно вести её по полотну и также засыпать и просыпаться. Заметки на большое будущее оставлял лишь себе и верил в них, без сомнений верил...

Летит как-то на самолёте – внизу луга красивые, что рисовать их хочется не завтра, а сегодня. Спустился с неба – а это лишь репейник. И Арлстау ему говорит: «Что же ты так?»

Подвёл меня, колючий!», а он ему: «Ты не сдавай меня, что страшен я. Их сдавай. Я хотя бы свысока красивый.». Вот и приходилось лгать в своём творчестве – что всё хорошо, что репейник сегодня красивый...

Просыпаться любил от лучей солнца и не желал задумываться – почему. Наверное, потому что ценил тёплое, обожал быть согретым. Логично? Или это слишком нежно для мужика?!

Логика – ничто для солнца. Нравилось ему это и всё. Кто знает, что у него на уме?! Никто не знает ни о вкусах, ни желаниях. Из всех, кого он встретил на своей дороге, в основном, были персонажи, у которых всё, что на уме, было нарисовано на лицах. Но зачем быть таким? Есть дороги поинтереснее, неожиданней любых мастеров фантазии.

Знал человека, который всегда появлялся неожиданно. Всегда! Без права на ошибку. Как это у него получалось? Загадка. Он и сам не знал. Но в этом что-то есть, и это что-то художник ухватил для себя, чтобы поделиться с другими.

Художник просил у солнца необходимого. Не наглед поначалу, не капризничал. В ответ оно не всегда светило благосклонностью, но благо беспросветно, потому бывает незамеченным.

Важно, что он верил. Не обращал внимание отказам и продолжал просить: то особенного, не уточняя, чего именно, то невозможного, чего никто не может. Просит и всё, ничего с ним не поделает – и попробуй ему откажи.

"Убей свою воздушность! Говори со мной нормальным языком, и каждый жест исполню!», – иногда отвечало ему солнце его же собственными мыслями, но он ещё этих мыслей не слышал.

– Воздушность погубил, но убивать рука не поднимается!

– Значит, терпи...

Слово «Мочь» могущественно, потому могучий – тот, кто может! Только вот, зачем об этом просить, если он и так может то, чего другим не пришлось бы, даже в мысли?! Разве, есть ещё что-то большее?!

Он видел души всех живых существ и называл это даром, хоть и любил временами скромно противоречить самому себе! Всегда противоречить не стоит, это не имеет никакого смысла, а смысл для него важнее пробуждения.

Да, далёкие люди не верили в его дар. Близкие, то делали вид, что верят ему, то глазели на него, как на умалишённого, как на сумасшествие.

– Не слишком ли разные глаза?

– Нет, они одни и те же.

Конечно же, бросая в пропасть все свои противоречия, он убеждал себя, что это самый важный дар, придуманный природой. "Ну ты загнул!», – отвечало зеркало.

– Единственное ли в роде? – спрашивал он в ответ.

– Так важно тебе это?

Застеснялся. Значит, было важно.

«Проницательный и непроницаемый!», – смешно воскли-

цал он, рассказывая кому-то о себе, а в ответ получал ехидные, безутешные слова и мысли: «Ну видишь ты души людей и что? Ну можешь рассказать, как они у каждого из нас выглядят, а смысл? Мы все, конечно, рады за тебя, но рассказать то о человеке его сокровенности и тайны ты не сможешь. Не экстрасенс же...».

Слыша последнюю фразу, он представлял себя в балахоне и с посохом, с надменным взглядом, знающим всё обо всех. «Нет. Не хочу так! Не желаю знать всё! Тем более, ваши секреты. Тогда и вовсе один останусь, если буду знать вас всех.», и нежелание сбывалось с силой желания.

«А что ответить им на такое и надо ли?! Сам рад, что не экстрасенс. Всезнающая жизнь слишком холодна для меня, ведь в ней собрались все миры.».

Однозначно, преимущество человека, знающего жизнь другого, достаточно велико. С одной стороны, всё становится слишком простым, с другой стороны, жизнь только усложняется. Арлстау хотел быть на равных с людьми, потому не желал знать о них больше, чем нужно.

С близкими старался общаться голосом, а не письмами, чтобы не отдалиться, но не со всеми получалось. С далёкими так и вовсе – общаешься, общаешься и сам не замечаешь, как начинаешь ими пользоваться. Подбрасываешь их в воздух, как золотую монетку и думаешь – ловить или нет. Затем замечаешь свои истинные помыслы, своё отношение к человеку, но молчишь об этом. Потом молчишь обо всём. Лжёшь,

лжѣшь, лжѣшь. И до нужного момента всё хорошо, но этот момент настаёт, и становится не важно, всплыла правда или утонула...

Как-то попробовал в течении недели говорить только правду. Пришлось перестать общаться с теми людьми, которых нельзя откладывать на неделю. Обиделись, конечно, зато спас их от самого себя правдивого. «Их роли заменить нельзя, игру их не сыграть другим, потому берегу, от себя защищаю.»

Чем больше говорил правды, тем больше терял людей, тем больше замечал, что у слова не та масть, что он представлял. Он думал дама червей, а оказалось – неизвестная карта с мастью пик. Масть оказалась неожиданной.

Чем меньше ожиданий, тем больше чудес...

Испытал очищение, как от благого дела, не смотря, что многих за неделю потерял. Удивительно, да?

Сила правды способна осветить дорогу человека полностью, и, значит, она, возможно, велика!

Смех и слѣзы выглядят по-разному у честных и лгунов. Кто-то плачет горько, кто-то сладко. Смех, тем более, силѣн в разнообразии.

Больше всего удивило, что, не смотря на очищение, все его жертвы не оправдали себя в ближайшем будущем. Возможно, ожидания были лишними. Что потерял, то и нашѣл, и в том же самом виде.

Не в честности доблѣсть. Одни слова не вернуть, другие

не отпустить. Чтобы найти лучшее, одной правды мало.

Много было причин, по которым он не пробовал рисовать души, а творил, лишь обыкновенные картины, но самая главная – это люди.

Всё было в его жизни почти ровно и почти хорошо, но в один тёплый, солнечный день, он потерял обе кисти своих рук. Не ожидали? И он не ожидал.

Художник не имеет права позволять себе таких тревог.

У солнца ничего не просил больше и ни о чём не спрашивал, а когда был чем-то недоволен, больше всего доставалось именно солнцу. Оно виновато во всём оказалось. «А кто же ещё?!», – кричал он, разбивая ногами очередное зеркало. «Я что ли виноват?! Да, виноват, но в этом тоже виновато солнце!» ...

И жизнь стала другой. А как ещё иначе?! И дорога не его и первые встречные. Мечта иссякла смыслом, потеряла своё сердце. Улыбка улетела с уст и осталась в давних временах, пропал вкус ко всему, позабыл свой цвет, жаргон, манеры и все свои достопримечательности.

Во всём он изменился из-за потери или вопреки ей – что-то осознал, что-то домыслил, где-то потерялся, где-то исчез. Был один человек, а стал другой. Бывает так. Не нам судить. Хотя, кому ещё, если не нам?!

Лучшим другом ему стал не человек, а родной дом. Комната, всё дело в комнате, красивая она, дарила хоть какую-то надежду. Основная причина заключалась в ней.

Конечно же, дом берёт его и грел, дарил чувство защищённости, создавал то, что люди называют комфортом, но в любом доме есть особенный уголок. В этой комнате он чувствовал себя лучше, чем во всех других местах своей планеты, в которых успел побывать. Не объяснял своё чувство никому, просто, говорил себе, что так нужно...

В этом доме он вырос, в этом доме он всё приобрёл, всё потерял и именно с порога дома начнётся самая важная история его жизни, к которой он никак не будет готов, хотя мог подготовиться.

Нет здесь ничего, кроме того, что ты видишь, слышишь и чувствуешь, а он не почувствовал. Видимо, лучше быть неподготовленным к чему-то, чем знать заранее каждый свой шаг.

Родная сестра бывала у него в гостях не редко, так как жила в его городе и любила его больше других своих родных. Предсказуемо, согласен, но приятно.

Она спросила его недавно таинственным голосом:

–Теперь, ты видишь не только души людей, но и душу собственного дома? И на что она похожа? На кирпич?

И закатывалась со смеху над своим чувством юмора, пытаясь сказать: «Шучу-шучу!».

–Нет, – отвечал ей спокойно. – Она, как лабиринт. И в нём много выходов, мало входов. Идеальна для одиночества.

Намёк был ясен, но не исполнен.

Не подумайте, сестру он любил, но есть свои «но».

Как потерял руки, вкус прежней жизни стал далёким и неосязаемым. Сначала недоумевал над собою и был похожим на безумца. Затем стал трогательным, но унылым, потом уравновешенным, но блеклым.

Изгнал всех из дома, расселил в своих былых владениях. Былых, не потому что не его, а потому что потеряли смысл...

«Если доктору плевать, то чем он поможет?» – возмущался на врачей, а врачи пожимали плечами.

Затем прощался и влюблялся, и снова становился другим, и уже не до врачей, не до психологов. Но влюблённость не любовь. В его восприятии они не соединимы, потому не стремился увековечивать влюблённость.

Сестра не права, шутя над своим родным домом, а он не мог ей рассказать, чем душа этого дома отличается от всех других душ. В ней он видел особые возможности, но ближе и подробнее не подбирался к ним.

Открывалась нараспашку и его душа. Чувствовал это, но, видя души всего живого, он не знал, как выглядит собственная душа. Всегда это было прискорбно для него, а сейчас тем более: «Кем были скованы её узоры? Мастером или мастерами? Или таким же художником, что и я?!».

Всех вечно волнует вопрос, что находится в нашем нутре. Но не задумываются, что позади нутра.

–И что же там?

–Ну, загляните!

Заглянули – не все вернулись, кто-то многое нашёл...

Первая встреча с душой дома состоялась сразу после потери рук. Постарался спокойно на неё среагировать, боясь ей показать свои беспокойства. Лишь поговорил с собой мыслями: «Это то, о чём ты думаешь? Дом живой, как и всё, что кругом и вокруг?». «Нет», – запротиворечил себе, – «Быть не может такого.».

Но художник лишь решал, кем быть или не быть ему, а не чему быть или не быть в его жизни. Не властна кисть над тем, что дышит в ней.

За главой глава. Чем дальше, тем интереснее. Чем дольше рисовать, тем глубже полотно...

С детства мог видеть души всех живых существ – от комара до человека, с детства скрывал себя почти от каждого. «Какой сегодня человек, такой сегодня смысл его слова.», – говорил он про себя, видя, насколько переменчивы души людей. Они всё валят на настроение, но он то видел, что дело в нутре.

Талант – зерно, его бы взрастить, и пол дела сделано. Остальное будет зависеть, от того, какой ты человек – быть или не быть тебе...

«Если дом оказался живым, то, что живо ещё? Деревья? Здания? Может, и душа города имеет место быть? Или душа океана и острова? А небо? Как бы не утонуть в звёздном небе, ведь в нём то точно много интересных душ...».

Душа дома просила нарисовать её. Как это проявлялось? Волшебным образом. Устроит такой ответ? Меня да.

Голос, как гром; восклицание, как молния. «Воу!», – вскрикивал художник от внезапных раскатов, а дом всё просил и просил, и просил, как и он когда-то вымаливал у солнца невозможное.

Не попросит больше ничего у солнца, и было неприятно видеть себя со стороны, слыша, как просит душа.

«Издеваешься что ли?! Нет у меня рук! Да и души рисовать я не умею! Да и кто я, чтобы их рисовать?!». Но мысль не так проста и не отстанет – ни минуты не даст насладиться другими соображениями.

Стоит ему отойти на пол шага от дома, как мысль возвращала его назад – ей не хотелось, чтоб он уходил, не желалось ей, чтоб оставлял её, даже на незначительные доли времени. Желание изобразить увиденное становилось невыносимым, а возможности его хромали, как усомнившиеся калеки.

Когда мешок мечтаний переполняется, их реализация начинает истощаться, не познав ответа на главный вопрос – с чего бы начать? А он всё мечтал и мечтал: «Выплеснуть бы всё это наружу, показать хотя бы себе, что это возможно!».

"А, что, если показать другим?". – Затем он улыбался красоте своего зеркала, глупости своей мысли и с грустной улыбкой вздыхал: "Эх...».

Наверное, вспомнил что-то и сразу что-то позабыл.

Беззаботная жизнь короля бесцельности. О чём ещё мечтать?!

Первую часть своей жизни он частенько полагался на

внутренние ощущения, но, однажды, заметил, что они у него неисправны, не всегда окунаются в суть.

Стал опираться на внешние знаки. Их рассекретить не просто, но не скучно, порой, поломать голову...

Память соткана из древнего дерева, долгий путь в себе сохранит, но детали сотрёт в порошок. Он много чего помнил. Память его была длинна и насыщена. Если выделять что-то особенное, то это тот день, когда потерял руки. Быть может, всё впереди и особенное станет ещё и приятным.

Тот день перевернул всю жизнь с ног на голову, с асфальта к небесам. Наказал и помиловал, оправдал, только правды своей не сказал.

День уже начинается не так, если ты просыпаешься и понимаешь, что спал три дня, что ты без всяких на это причин пропустил три дня своей жизни.

Взглянул на телефон – кто-то беспокоился, кто-то попросился.

Прощавшийся жил на другом континенте. Она – его женщина. Эмоции далеки от позитива, и он собрался к ней. Самолёт через час, потому надо было спешить.

Вышел, прошёл сто шагов, споткнулся и упал на глазах десятков усмехающихся людей. Неловкий момент может случиться, даже с ловким, но, когда над тобой смеются – тебе это не смешно. В тот момент было горько, в душе плавала боль пробуждения. Дела любовные закончили своё, но сам решил к ним снова обернуться.

Падение не остановило и не попятало назад. Встал и отряхнулся, начал искать глазами такси, не замечая не отстающих взглядов прохожих и остановившихся.

Бывают такие дни, когда всё сыпется из рук, когда всё разрушается и тает на глазах. Такие дни необходимо пережить, уходить в такие дни не стоит, оставаться в них, тем более.

Затем поймал такси, швырнул водителю денег и попросил давить на газ, не доверять жизнь тормозам. Кричал на того, когда тот сбрасывал скорость.

Денег дал много и обещал ещё, потому таксист был послушен, не думал о том, что дома ждёт семья.

При очередном обгоне, машина столкнулась с грузовиком. Последнее, что помнил художник так это то, что вылетел в лобовое стекло вперёд руками в грузовик.

Оба водителя погибли на месте, а художник очнулся в больнице с пробитым черепом, сломанными рёбрами и ампутированными кистями рук – сказали, что они были вдребезг, что не нашлось ни единого шанса на восстановление.

Огонь в запястьях, словно вечный, потому с тех пор не стихал. Первой мыслью, когда пришёл в сознание, была: «Как же я буду рисовать?!». В тот день его покинули обе кисти, ладони, пальцы, миллионы ощущений, тысячи поводов жить...

Они покинули его, будто в них больше не нуждался. Они покинули его, а он всё ещё на них надеялся...

Произошедшее привлекло внимание мира, оно обрати-

лось к нему – кто с помощью, кто-то за помощью. Но этому способствовало иное, наиболее значимое для мира событие – в стране, в которой жил художник, в день аварии, выросли два дерева и дотянулись до небес!

Для Арлстау этот факт также был удивителен, но не был таким красочным. Не позволил ему спокойно жить и корить себя в своём невежестве.

Нельзя было выйти на улицу, не заметив вспышку фотоаппарата, и это раздражало. Кто-то считал его никем, кто-то считал кем-то, но и Арлстау имел свой взгляд на мир и на всех этих людей, что его заполняют. Свой взгляд на жизнь он держал при себе, но одному, почти адекватному, журналисту решился, пусть и кратко, но рассказать, что он обо всём этом думает:

–Вы потеряли руки в день рождения самого удивительного события всех времён, первого чуда света, потому на вас обращено внимание мира, и вы ни один такой. Мир в любой миг отвернётся, но, как я понимаю, вы этого и желаете. Что же вы сами думаете о происходящем, как можете связать два события в единое целое?

–Не могу связать величайшее событие нашей страны, да и всего мира с моим личным горем. При чём здесь мои руки и два дерева, что стали первым чудом света? Не я один стал жертвой преследования, не мне одному мешают жить. Слышал о матерях, родивших двойню в этот день и позавидовал своей нынешней жизни. Мир давно стал намного боль-

ше, потому люди стали меньше! Вы все верите в конец света! Сколько вас? 97 процентов населения Земли, если верить СМИ? Я не верю в конец, но не знаю, что мне ждать завтра, потому что получается, что я не верю всей планете. Верить в конец света это одно и то же, что не верить в своё будущее. Пропагандировать то, чего не пожелаешь своим близким и выполнять какой-то долг? Да это низко, это подобно предательству Родины... Да, что вы знаете о будущем, если не верите в него? На встречу будущему, спотыкаясь о прошлое? Я не связан с деревьями, что коснулись небес, я, всего лишь, чудом выжил в страшной аварии, но лишился рук и миллионов ощущений...».

Это всё, что Арлстау ответил журналисту. Кратко, но сам считал, что сболтнул лишнего, что перегнул со словом «пропагандировать». Затем списал всё это на спонтанность и забил. «Чем меньше говорить, тем меньше будут ждать противоречий, а лучше ничего не говорить, не объяснять. Так всем будет интересней.».

Как по воле судьбы и по взмаху лёгкой руки, после его дерзкой, необдуманной речи от него неожиданно отстали и повесили ярлык «яркой случайности». Не сразу, конечно, отступили, а постепенно и неторопливо, как вампиры от распятия. А то говорят: «Особенный год, особенный год! Нет в наших краях особенных. Везде один народ.».

Много говорить опасно. Мир может не так понять и посчитать тебя кем-нибудь. Безопаснее быть никем.

Кем именно может представить тебя мир? Да кем угодно. Такие мысли у людей, что рукой махнуть на всё хочется. Раз о хорошем говорить не интересно, то можно вечно ждать, что всё будет хорошо.

«Век назад не все верили в конец света, лишь небольшая часть человечества, но она преданно ждала свой особенный год и жадно пропагандировала свой личный, нелепый факт, что конец случится в этот год. 31го декабря их выдуманного, «особенного» года произошла война длиною в четыре минуты, в которой погибли 180 миллионов человек. Ни одного мирного жителя среди погибших не обнаружили. Два войска вышли на поле боя посреди бездонной пустыни и разбомбили друг друга, точнее, одни разбомбили других. В СМИ нередко сообщалось, что после этой короткой войны, около пятидесяти закрытых городов с общим населением в тридцать миллионов человек стали призраками. Ни одного жителя не осталось. Как по команде, всё бросили, ушли, но больше не вернулись... Закрытые города разбросаны по всей планете, их тысячи. В них не зайти просто так, никто не знает тех, кто на это решался. Они не принадлежат каким-либо странам, не признают СМИ, живут без связи с миром и нигде не рыщут и не узнают, что происходит в нём. Их даже не видно из космоса! Говорят, они принадлежали какой-то тайной организации, что управляет всем миром – «Она мол виновата!». Кроме вымышленных персонажей виноватых и не нашлось. Это вполне нормальное заявление для того времени,

да и для нашего тоже, хотя сейчас твердят иными языками – звучание уже не то... После войны во всём мире начались странные убийства, словно кто-то избавлялся от тех, кто не нужен нашему миру и тех, кто миру мешает разрушаться, но это были лишь отголоски войны. Причины войн всегда были неизменными. Войн уже не было век. Как это удаётся? Воевать уже не за что. У общества нет будущего. Одно происшествие, и мир стал таким. Думаете, вы можете представить, что это такое, когда почти все на планете не верят в будущее? Ну попробуйте, раз сможете! Кому-то было это выгодно, но, только, кому?! У общества появилась паранойя, что за всеми событиями, какая бы ерунда не случилась на планете, стоит тайная организация, которая, якобы, управляет всем миром. Лично я не верю ни в конец света, ни в тайные организации, и считаю это всё прибаутками, информацию которых веками никто не понимает. Мне легче поверить в то, что весь мир сошёл с ума, чем в то, что мне пытаются навязать, и виноваты во всём не тайные организации, а сами люди. Нас не спасёт ни доктор, ни супергерой! Помочь себе лишь сможем сами...».

Всё в природе не случайно, каждый ей необходим. Также и с жизнью человека – каждый фрагмент его жизни имеет значение, каждый нюанс будет спешить нарушить свою значимость, но ничего у него не получится...

Деньги помогли с приобретением современных протезов, которые проделывали те же самые манипуляции пальцев, ре-

агируя на мысли и слова. Ты можешь ими то же самое, что и руками.

Протезы значительно облегчили жизнь, но себя не обманешь – это не руки. Уже не скажешь себе: «Всё в твоих руках!», а, услышав от кого-то такую фразу, лишь горько выдавишь улыбку.

Родители не желали оставлять его одного в этом доме, но их глаза убили бы каждого. И жалость, и вина, и прошлые упущения в них. «При чём здесь всё это?», – не понимал их Арлстау и объяснял, что у него всё есть, чтобы справиться самому.

Они переехали в его дом, а он остался жить в их доме. В четырёх стенах не ищут исцеления, а он искал.

Сейчас он сидел на кухне, наслаждался чаем и завершением одиночного вечера. «О прошлом помечтал и хватит! Нужно что-то делать!».

Устал вспоминать свои длинные пальцы, поленившиеся покорить музыку. Любил покорять людей жестами без лишних мелодий; любил хватать и брать; любил рисовать свою жизнь лишь руками.

Сейчас всё это кажется мелочью, но пальцы очень нужны – и не для того, чтобы взять, а, чтобы дать что-то, действительно, стоящее! Не было для него сейчас ничего важнее рук, но рук не то, что у него, но даже рядом не было...

Ночь – лучшее время суток для кудесников искусства, потому что наступает великая тишина, предоставляя простор-

ные возможности фантазии и мыслям. Если, конечно, творить собрался лёжа, то шансов на временное трудолюбие практически нет. Любил он раньше, лёжа, рисовать.

Ночью можно не только видеть душу дома, но и услышать, что он живой и скрипучий, что дышится ему не так уж и легко. Ночью ты можешь столкнуться с привидением и, испугавшись его, убежать куда-нибудь или не шелохнуться от страха и забрать у него то, что он принёс лично для тебя. Да чего ты только не можешь ночью – почти повелитель миров!

Арлстау ночами не мучили привидения. Они ведь похожи на те же души, что он видел в людях, потому не страшны ему, хоть их и не встречал.

Пришедший к нему этой ночью напоминал собой чёрное пятно. Смазано увидел его, но не был он похож на души, что встречал. Назвал его сразу же силуэтом, веря, что за всей туманностью имеют место быть лишь очертания человека. Однако, узнать это было пока не интересно – повернулся к нему спиной и попытался заснуть.

Силуэт появился у окна его любимой комнаты, беззвучно подплыл к его кровати и стоял над Арлстау часами. Со стороны, может, и жуткое зрелище, но художник то этого не знал, спина его без глаз.

Глаза сонно раскрывались в течении ночи, но не боялись, видя, как силуэт растворяется над кроватью, а уши слушали, но ничего не слышали ещё.

Он был темнее ночи, раз был замечен в темноте, но это не

беспокоило. Мысль в голове была бесстрашной и простой: «Кто такой? Не понятно! Чего хочет? Молчит.».

Когда понял, что силуэт уходит не собирается, наконец, пригубил привкус страха. «Что тебе нужно? Изучаешь меня? Хочешь отнять у меня что-то?», – заверещали безответные мысли.

Силуэт низко склонился над ним и показал, что он не только чёрное пятно, смазанной формы человека, что у него есть глаза. Сначала Арлстау не узнал этих глаз, не догадался, на чьи глаза они похожи.

– Пусть и поздно, но ты готов! – прозвенел знакомый голос в голове, и не было сомнений, что молвит силуэт.

В голове созрело два вопроса: «К чему готов? И почему поздно?», но лёгкие кто-то сжимал в кулаке и выдохнуть всех слов не было шанса.

Силуэт всё больше становился похож на тень человека, черты точились на глазах, а его расплывчатые очи приобрели чёткость и стали узнаваемыми.

Стало немного не по себе, чего таить, ведь на него смотрели его собственные глаза. «Что же ты такое?», – проговорились мысли, но договорить своих ответов не смогли.

Увидеть, улыбался силуэт его мыслям вслух или злился, возможности не было, ведь губ у тени не присутствовало. Зато у силуэта были руки и ими он решил исполнить свой долг, прижав ладони к устам художника. Тот начал задыхаться. Как на зло, был заложен нос, но сил сопротивляться не

было, как и желания.

Силуэт не отпускал до конца и позволил ему задохнуться.

Нет, художник не умер, лишь потеря сознания и погружение в сон и, по-видимому, в вечный, как думал художник – и долю истины в его мыслях не отнять, кем бы не был отнимающий, ведь художник, хоть и проснётся, но останется во сне.

Он много лет не видел снов, но сон ему приснился.

И сразу снился весь мир. Не вся жизнь – лишь мир. Летел вдоль него и поражался, насколько он большой, как много в нём не затоптанных мест, как много до них незнакомых дорог, в которых мог себе позволить – ошибиться. Не в лёгкости их фишка, а в том, что не было их раньше никогда, не замечал он их под слоем пыли. Много пепла было вокруг красоты, но это не настораживало – сон ведь. Оглядывался и не замечал ничего разрушительного в увиденных пожарах – самообман, но он тоже имеет свой смысл.

Перед пробуждением ему приснились океан, жёлтые листья, первый снег, высокие волны и красивая женщина с душой, похожей на звезду, что ждёт и ждёт, и ждёт, и ждёт. Не всю свою жизнь, а всю его. «Чего ты ждёшь?», – спросил он её. «Жду, когда проснёшься!», – ответила она незнакомым голосом и растворилась в позднем утре...

Первый сон за всю осознанную жизнь, и сразу так много, и закончился красиво, как он и любил.. Конечно же, запишет каждый запомнившийся кусочек этого почти сказочного сна в своём дневнике, хоть и не предаст ему должного внимания.

Наконец-то, он проснулся. Не от лучей солнца, а от чего-то другого, и это что-то – навязчивый звонок. Он издавал невнятные звуки и, по-видимому не впервые за это утро.

Не шевелясь и не открывая глаз, мыслями дал команду: «Ответить!». Прогресс не заставляет шевелиться многих, но не всех.

Звонивший был окутан в переживания.

– Арлстау! – глубоко дышала в трубку его сестра.

– Что? – с долей возмущения ответил он, пытаясь вспомнить все детали сна.

– Почему ты не отвечал? – надавила возмущением она.

– Потому что я сплю! – ответил он невежливо, поднимаясь с кровати.

Нашёл взглядом дневник и беглым почерком извлёк из себя всё, что увидел в своих снах, пока она что-то рассказывала ему о своём вчерашнем дне. Как обычно, прослушал половину, как и во всех диалогах его жизни.

– А ты как там? Что так поздно спишь? Ты ведь ранний человек!

– Я встаю ни утром, и ни рано, а тогда, когда открываются глаза. – ответил зачем-то вальяжно, а добавил с усмешкой. – Беззаботная жизнь!

– Ладно. Ты соображаешь, значит, всё хорошо. Это всё, что я хотела узнать. Пока. Не веди себя так...

«Не веди себя так? Это как? Ладно, не буду спрашивать. Уже завтра всё забуду и попытаюсь быть выше, чем есть на

самом деле, чтоб не вести себя так!».

Родственников понять можно – переживают, волнуются, ведь он стал другим – закрытым и недоступным. Но художник считал, что переживания ничего хорошего не благоволят – особенно, переживания родных по крови. Тоже были свои заморочки.

Но сколько раз он замечал это – как только расскажешь о чём-то рискованно важном или волнующем душу, так сразу всё шло ещё больше наперекосяк, чем мог себе позволить. Наверное, поэтому мало, кто делится с близкими своими бедами. В живом общении в этом был ещё какой-то смысл, но в иные общения он не верил, да и себе не верил в них.

На часах 15:00. Проснулся, действительно, поздно, а ноги, встав с кровати, не спешат на улицу, не спешат на кухню зарядить себя энергией. Ноги тянутся выше, но в небо лестница ещё не построена.

Около четырёх часов осмысленного блуждания по дому, деления всего на за и против, и он почувствовал, что сможет! Передать свой дар бумаге легко – главное, желать этого, а не для чего-то там творить.

«Нет смысла жить, если я не сделаю этого. Нет смысла! Не хочу я жить, как другие. Грустно всё это у них получается, и, как хорошо, что этого не замечают.».

«Получится ли именно сейчас?» – спрашивал он себя, отвечая. – «Не проверишь – не узнаешь.».

Жизнь приносит возможности каждому из нас, и мы бро-

саем кости, решая, что с ними делать – спуститься в трубу или подняться до небес. Проблема в том, что в силу обстоятельств, желание хоть что-то с ними делать способно не прийти. Не дано узнать, каков их истинный путь, чем он обобщивается и чем заканчивается. Будущее не по силам никому, иначе бы все жили, как короли.

На чердаке пыль ласково глумилась над забежавшим сквознячком, заставляя его чихать и извиняться. Пыль отступила и забилась в углу, а сквозняк оставил о себе свежее воспоминание.

Его чердак красочен и, в то же время очень светлый. Привязался к нему, как дитя – это и есть та самая комната.

Солнце проникает в него со всех сторон до полудня, ведь на востоке стена из того же стекла, что и крыша. Это любимое место Арлстау с младенческих лет – место мечтаний, высот и вдохновения. Конечно, оно не было всегда таким.

Всё приносится со временем.

Полотно было приготовлено пару месяцев назад. Может, и больше. Как ему самому казалось, оно ждало его слишком долго, раз поздно он созрел, и краски давным-давно жаждали начать! В последнем он ошибся, во всём правым быть невозможно.

Рисовать он желал не лица прохожих и не небо звёздное, чарующее, дающее ответы, а душу своего родного дома. Её он видел повсюду, заглядывая в стены, прислушиваясь к потолку и глядя в пол безразличным взглядом. Его душа бы-

ла со всех сторон. «Это внешний знак. Даёт право подумать. Решение за мной. Спешить к ней на встречу или сделать два шага назад...».

У каждой души свой узор, своё наследство, своё покаяние, своя совесть. Если тело это сосуд, который может выглядеть, как только пожелает, то душа это его основное содержимое. У каждой души есть начало, середина и конец. Каждая душа делится на части. И у мира есть душа, поэтому, наверное, он тоже поделен между людьми.

Очарование души не зависит от тела, оно вносит краски в чужие зависимости. Лишь очарование души вносит краски, и ничего более!

Томное существование в сосуде способно больше покалечить, чем уберечь, но душа смиренна к своей участи. Живёт внутри и не спешит выглядывать наружу. Наоборот, оберегает свой покой.

Арлстау встал на колени перед мольбертом, прикрыл свой взгляд веками, аккуратно сжал кисть, наконец-то, поспевшими губами и повёл её, как полководец, по просторам полотна, но остановился.

«Нет, что-то не так! Всё здесь не так! Это не душа!», – то ли зашипел, то ли зарычал он на себя! Схватил краски умелыми протезами и швырнул их со всей силы, что есть, в полуоткрытое окно! Вышвырнул всё, кроме полотен и не запачканных красками кистей.

Окно разбилось, а стёкла падали, звуча в ушах своей рез-

костью. Сквознячок стал могущественней и смеяться начал умней и напористей: «Как же ночью ты будешь спать, такой незащищённый?». Вопрос был об одном, а мысль принёс о третьем, и она бесспорно важна для всей жизни и для всего пути, а не посиделок. Всего то звон стекла, кусочек фантазии и вопрос, что задал себе сам устами сквозняка.

Художник спустился по лестнице на первый этаж. Вернулся с хрустальным стаканом относительно чистой воды. Вырвал прежнее полотно и швырнул его в угол, впитав в движение руки всю неприязнь к прежним краскам.

«Нет, у солнца просить помощи не буду! Справлюсь без него!».

Он вновь встал на колени, выдохнул, помолился себе и сжал губами новую кисть. На этот раз, она схватила его полностью, стоило ей дотронуться воды. Когда прикоснулась к губам, привела к убеждению. Арлстау не мог и не имел права преградить ей дорогу. Вода сияла и пахла светом, а его трясло от эмоций, колотила великая дрожь.

Вечное не остановить, как бы не дрожало временное. "Пусть дрожат и падут, как осенние листья, а я буду о них веселиться, а я буду для них листопад!», – думал он, касаясь кистью полотна.

«Душа начинается с конца!», – сделал он истинный вывод. «Именно с него нужно начинать шедевр, пусть и буду считать, что рисую с начала!».

Закрытые глаза не видели простор узоров, но понимали

его суть. Рисунок светится, вода пылает светом, вода рисует светом – и это уже суть.

Только вот, эмоции оказались сильнее. Особенно, когда услышал, как в душе его дома короткими стуками начало биться сердце! Его стук был переменчив, и губы художника, хоть и не значительно, но всё же менялись на глазах – ни цветом, а формой, пока рисовали и желали показать себя настоящими.

От скованности до вальяжности кисть шла долю секунды и застыла на полотне обессиленно. Загадочно прожгла большую точку и рухнула к ногам художника.

Глубокий выдох вызван неверием открывшихся глаз. "Это не сон! Картинка слишком чёткая, и перед ним парит душа, а не святающийся лабиринт!». От неё исходил свет, и, не смотря на день, он был заметен.

Арлстау вскочил на ноги и заморосил ими по чердаку. Его сердце не отпускали громыхания, но это было приятно. Эмоции снова брали верх. Сегодня Олимп принадлежит им, а не какой-то логике.

Несколько лет назад он сделал странное для себя деяние. Закрыв глаза, представил своё сердце. Присмотрелся и заметил почерневшие сосуды. Узнал в них то, что ненавидел; боялся; что ему мешало жить. Он изгнал это всё, и сердце оказалось практически пустым. Не растерялся и заполнил его всем, чего желал себе в жизни. Точнее, что успело прийти в голову на тот момент.

Это было до потери рук, а сейчас он слышал другое сердце, что бьётся не так, как он привык. В нём присутствует эхо и создаёт иллюзию, что у сердца два удара, а не один.

Его глаза глядели на сияние полотна и не могли так нагло лгать, а, значит, это всё правда. Душа дома осталась на полотне. Художник пытался уговорить себя: «Нет. Это невозможно! Это был не я!». Но нет, уговоры смешны, это был он, как бы не противился и не притворялся! Картина была жива, она дышала и вздыхала, она шевелилась и плавала по полотну, не желая порхать на одном месте. Он всё ещё слышал её сердце, и это волновало. Два сердца не потянуть. «Значит, она не вечна...», – решил он и щедро отмерил ей свой собственный отрезок. Отмерил на глаз, но от души.

«Не веди себя так, словно это какой-то пустяк, будто это не может быть чудом.» – кричал он себе. Он чувствовал, что весь мир услышит его, и никуда от него не денется, он чувствовал весь этот мир! Мучило другое – надо ли миру видеть его и, тем более, чувствовать?!

Уютные черты в нарисованной душе, а собственная душа уже горела желанием их разнообразить – точнее, создать что-то новое.

Первой пришла в голову луна. «Вдохновляла она меня когда-то. Могло бы и солнце прийти первым, и путь, наверное, будет другим, если я выберу солнце. Но солнце виновно, да и ночь на дворе, потому пусть луна побеждает!».

«Зря я обижаюсь на солнце. Боготворит оно меня. Пусть

прикарманило руки, но это ничто в сравнении с тем, что оно мне подарило. Если, конечно, это не подарок силуэта. Но помощи у солнца просить уже не буду!», – об этом он подумает, когда выйдет из дома, а сейчас он переодевался.

Не удалось увековечить душу дома, но в самом доме появилось давно не осязаемое присутствие. Оно ярко выражено, выстраивалось впечатление, что, и сам Арлстау был здесь лишним. Давно один в этом доме, потому для него это чувство из разряда «слишком».

Время не указ, переворот не поворот и не меняет направление, но он чувствовал, что всё в его жизни теперь изменится.

Солнце подошло к закату, и художник, наконец, решился выйти на улицы родного города, в котором ни один родной человек, кроме сестры, уже не живёт. Разъехались. И нет здесь никого, кого он знает. Мечтал всё в этом городе сделать краше, но «сегодня не время, ну а завтра сошлю на потом!»!

Редко ему приходилось выбираться из дома. Память и не подскажет, когда это было в последний раз.

Он шёл и наслаждался городом.

Город не смотрит в глаза, город прячется. Деревья растут ровно, люди качаются. Смотрим прямо, не видим сторон. Вот и весь город. Такова его душа в вердикте от художника.

Если брать визуально, то больше приходит слов на ум, но раз речь пошла о душе, то лучше смотреть на то, что внутри, а не снаружи.

Дышалось намного легче, чем когда-то, но это ещё не значит, что было очень хорошо.

Густые кустарники вываливались на тротуары, как бродяги, и суют свои ветки в лицо. Прохожие стараются не задеть. Женщины ему улыбаются, мужчины с интересом разглядывают.

Художник глядел чуть выше, выше видно было мало, но малость тоже значима. Взгляд начинался в обрыве, а затем взлетал к облакам! За облаками космос, а за космосом что? «Мечтатель, не балуй мир благодатью, очень тебя прошу!», – говорил сам себе, подходя к старому парку с пустыми качелями. Здесь зелено и дышится свежо, и свежесть здесь во всём, что обитает. Красиво тут...

У парка тоже своя душа. Это ведь место, а место всегда значимо!

Здесь, к сожалению, душа пустая, как качели, да и художник сожалел об этом. Ему нужны люди, чтобы душа перестала быть пустой.

Он и раньше видел душу во всём, что встречал на пути, но для этого нужны были усилия, и всё было смазано, а сейчас всё доступно для глаз. Усилия взял на себя силуэт, а художник шёл вперёд походкой лёгкой, видел всё насквозь и чувствовал каждый шорох мира. Ни капли это не мучило. Наоборот, он, словно снова стал уверенным в себе – настолько, что по силам было нарисовать душу этой уверенности. Стал наполненным, зачарованным, счастливым!

Хотя, что такое счастье для него? Чаше он, даже не догадывался, когда был счастлив. Узнавал позже. Человек смиряется с тем, что он, просто, живёт, а потом понимает, что не просто, и всю жизнь предстоит выбирать – просто так или не просто так.

Кто-то не счастлив лишь, потому что ни разу не подумал о том, что для него есть счастье. Мы хотим чего-то, но не знаем чего – в этом не вся беда и не пол беды, в этом лишь одна причина...

Наступила ночь, но, на удивление художника, на пушистых деревьях лежала роса. В городах деревья не росли высоко, они с рост человека, потому художник мог достать рукой до любой макушки.

Высокие деревья там, где нет людей – сразу же за городами они и начинаются, а где-то рядом или далеко два дерева и вовсе дотронулись небес...

Роса коснулась искусственных рук. Художник не ощутил её, но она удивила. Она была утренней, но сначала не поверил в это. «Снова я обманываю время, заставляю все события бежать.», – подумал он, но тут же добавил. – «Шучу, я много на себя не брал...».

Между травой и телом плед, потому лежать приятно. На траве мокро, и хоть роса хороша, её пришлось избежать...

–Что? Где взял плед?

–Спросил, не отказали.

Быть может, кого-то и вдохновляла роса на какие-то по-

двиги, но только не его. Ему нужно событие, ему нужен листопад или цунами, чтобы осмелиться показать миру свой собственный восторг.

Поглядывал на луну и представлял, что где-то есть такая же луна и кому-то, конечно же, светит, и кому-то, возможно, не зря. Вспышки мечтаний не имеют отношения к тому, к чему он шёл. Они, всего лишь, вспышки, без шанса на пожар.

Мольберт был установлен, полотно прилеплено. Казалось, что пальцы дрожали, но этого быть не могло.

—Струсил?

Молчит.

—Значит, струсил.

Это уже провокация на необычный день, о которых, обычно, жалеют. «Не боюсь за себя, я боялся всегда за других!».

Арлстау встал на колени. Так, это уже серьёзно. Люди вокруг лениво тыкают пальцами, но это всегда не было поводом оглядываться.

Взял в руки кисть и провёл ею по росе. Душа луны была округлой формы, как и душа его планеты, как и душа солнца, как и душа большинства людей, которых он считал обычными. Люди с необычными формами душ ему нравились больше, в них был магнит для него.

В груди была надежда, что всё будет не замечено. «Между стен безопаснее.», но неразгаданность луны не позволяла осмотреться и передумать.

Не беспокоился о любопытстве глаз и о том, что скажут потом о его деянии. Не всегда чаруют глаза, не всегда гипнотизируют. Думал не о себе, думал о других – что будет им от его поступка.

Художник с осторожностью вёл кисть по нелёгкому пути, вновь начав с конца но вокруг уже десятки глаз плюют в его осторожность, тяжело вздыхая от очарования. Слышал даже чьи-то вскрикивания.

Кисти не терпится создать шедевр, чтоб начинать другой, но не она решает, где конец.

Художник остановился, огляделся – стало темнее, оглянулся – люди насторожились. На лицах предвкушение и не уйдут ведь, досмотрят всё до кульминации, чтоб рассказать об этом всем.

Кульминацию преподнёс.

Ткнул кистью в полотно и закружил ею по бумаге со всей ловкостью, присущей губам – словно на зло кому-то. Но это не помогло, лишь усугубило задачу.

На небо набегали тучи, как иго, как война, хоть ещё не заметные для отвлечённых глаз. Конец холста не мог найти себя, и перед художником ещё не безоружен. В ушах звучала мысль, что замахнуться на такое было слишком глупо, ведь это лишь начало. Такое начало сулит поражению, но он проигрывать не собирался. Да и зачем он должен думать, что это лишь начало?

Губы начали мёрзнуть, мороз пробрался в кровь, сердце

застучало раз в четыре секунды – он считал. Испугался и сдался. Не стал бороться. Представил всякого себе и отступил.

Проиграл. Не смог нарисовать луну. Она не стала шаром, ведь отсутствовала четверть, и художник не понимал, чем заполнять эту пустоту.

"Даже не точка, даже не запятая.», – пробормотал художник. Вникал в творение и рассуждал с собой, что в нём не так и почему не получается закончить. "Не чем гордиться. Зря людей только встревожил и себя подставил под объектив.».

Тучи растворились в небе, словно их и не было, были замечены лишь одной парой глаз, а луна плавала и по небу и по полотну, но на бумаге плывёт неуверенно, отстаёт от самой себя. Не нашёл окончания, дал шанс на вечность. «А жаль, ждал большего.».

«Какой толк в сиянии, если оно ничего не способно дать кроме сияния?!», – мысль убеждала, но позади собравшиеся глаза думали иначе. Для них это не было бессмысленным. Им не понять, для них и это – чудо или, что вероятнее всего, знак о приближающемся конце.

Спина не чувствовала взглядов, потому оглянулся. «Ну да, так и есть. Их взгляды в полотне.».

Недоделанная душа переливала и перемешивала в себе несколько цветов, такие эффекты привлекают взгляды. Причин смотреть было много, но все их не озвучить в одном месте. Расскажут всем, но лишь в своих местах. Живая кар-

тина не отталкивала ни один из взглядов, заставляла молчать. «Интересно, о плохом думают или о хорошем?!». Людям негде ронять слова, да и некому. Уронят – жалеют, подберут – забывают.

Лишь одна пара глаз обратила внимание на создателя мастерства. Арлстау поймал этот взгляд, придержал и отпустил. Взгляд был полон негодования, чистого восхищения и желания спросить. За всем этим располагался страх!

Заметил и другие взгляды. Испытал неловкость, смущение от них. Избыток внимания после долгой одичалости не воспринимался. Заставил, немедля, собраться, засунуть подмышку полу-шедевр и сбежать с места творческого преступления. Впрочем, никто за ним не погнался. Перед этим он тихо пробормотал: «Не говорите никому!», и был услышан всеми. Помогла тишина.

Убегая, он вернулся к первому взгляду, чтобы запомнить лицо. Волосы светлые, почти белые, с элементами дыма, глаза можно назвать зелёными, а можно и никак не называть. Высокая, стройная, в теле всё о чём-то намекает. Черты лица слишком женственны и невинны, в этом художник видел слабость и плохую координацию – о что угодно может споткнуться и упасть. Как в страшном кино, когда люди бегут, они всегда спотыкаются, а ей и страха для этого не надо. «Кому её ловить, кому дано разбиться?», – не ему об этом думать, хоть мысль и пришла.

За долю секунды «насмотрелся» и быстрыми шагами за-

семенил в сторону дома. Затем накрыла паранойя, и он решил «замести следы». Ну как замести – прошёлся пару кругов по более красивым улицам и направился домой.

Только, это лишь усугубило. На третьем кругу ему казалось, что кто-то следит за ним, кто-то наблюдает, но паранойю он называл воображением. Этим всё сказано. Всё, что есть – всё полезно.

Высокие эмоции – это то, что обогащает человека.

–Как?

–Не знаю. Думаю, не простой процесс. Если нет им границ, то многое получается и ни разу не перестараться!

До дома дошёл – никто не схватил за рукав, никто не окликнул, но захлопнув за собою дверь, заснуть было мало шансов. Ночь забрала их, так как крепко дружит с луной. "Эмоции выше туч, выше космоса и даже выше звёзд, а, значит, сон придёт лишь завтра.", – отчасти был прав. Да, снова отчасти.

Впервые за не слишком долгую жизнь, неизвестное счастье стучало в окно и не давало спать. Счастьем можно сопротивляться, но оно состоит из чувств и ощущений – а это повседневно. Медленно, тягуче, но всё же побеждает.

Его дар ему новое счастье, он узрел это в глазах той девчонки с дымчатыми кудрями и плюшевой улыбкой. Выглядит, как ангел, добрейшей души человек. Но в глазах было желание уметь также, как он. Раз ангелы испытывают подобные желания, то от кого этот дар? От Бога?!

До этого дня всё было иначе – болели тучи, мысли, небеса. Ворчливым слишком был и недовольным жизнью. Ещё бы. До потери рук он говорил, что: «Мало! Мало мне!» и не стеснялся воровать добавку. Банальные цели, банальная жизнь. Успех за счёт чужих глаз и ошибок других. Падающий вниз, вечно ползущий после боя и уходящий в никуда! «Потомственно! Всё это потомственно!», – кто-то внушал ему. Но как потомственно? Если вот она душа на полотне, светится и заставляет выбрать иной путь.

Всё оказалось проще, чем все думали. "Думать вредно" – следствие «Некуда смотреть», но смотреть нужно, ведь мысли могут привести, куда угодно...

Каждый печётся о своей жизни и не обязан верить в кого-то! Он желал слишком многого и нет такого человека, который бы во всё это поверил.

Ночь, заполненная мыслями, летит незаметно. «Нужно расширить дар, лишить его границ, и он воспрянет!», – люди боялись людей с подобными мыслями, с такими не говорили, на таких лишь смотрели, таких когда-то сжигали на кострах. А для него обычная мысль, ничего такого.

«Бросить всё? Или остаться? Есть ли что бросать? Разве дом это моё Всё и у меня больше ничего нет? Возможно, в дорогах увижу больше – у них нет стен, есть только двери.», – представлял, как путешествует по миру, и эмоции захлёстывали своими высокими волнами. Всё представлялось красиво и насыщенно, как во сне. «Надеюсь, в жизни будет также,

как и в мечтах. Но, если бы все мечты сбывались, то ещё бы в детстве я правил всем миром со своей командой супергероев.».

Рассмеялся в ночи, взглянул на часы – четыре утра.

Перед тем, как заснуть, он думал о том, что натворил, боялся за себя и за семью, искал пути, как это всё исправить. Заснул под утро, снились клёны, бежал в далёкие края. Деревья алые, высокие, поля жёлтые, насыщенные. На дороге сумбур, море туч и море морей. Всё казалось разбросанным, с потерянными очертаниями смысла, но художник радовался сну. «Видимо, пока не отыщешь то, что, действительно, твоё, сны и не будут сниться...».

Зафиксировать в дневнике увиденное во сне получилось лишь ранним вечером, хотя проснулся поздним утром, в одиннадцать часов.

Растолкали стуки в дверь. Художник открыл сонные глаза, но не встал – ждал, когда, кто бы там ни был уйдёт. Однако, стук унимался лишь на короткие мгновения – настойчивость кому-то нравится, кого-то пугает, а чаще всего бесит. Смотря, что за человек её проявляет, что за человек её принимает.

Я солгу, если скажу, что стук в дверь звучал, как надежда, что она эхом разносилась по стенам, и художник, как бабочка, летел к двери. Нет, конечно.

Смахнул одеяло, хрустнул суставами и шёл к двери сердитый, с недовольным лицом, как медведь, отхвативший от

пчёл. Вроде бы, всего лишь, стук в дверь, но с каждым шагом становился непростительным.

«Кто бы там не стоял за дверью, держись за поручни, хватай дыханьем воздух – я иду!».

Дверь была не скрипучей, открылась без шёпота, а за ней знакомые глаза вчерашнего вечера – полны милосердия, но не обделены бестактностью. Глаза сосредоточились на художнике и вникали в его полуголый образ, шаря по всему телу. Он успел одеть лишь штаны.

«Только этого не хватало.» – подумал он. – «И как же ты меня нашла? В каких местах следы свои оставил? Если скажу ей, что в своих стильных очках она похожа на журналистку, сочтёт, что мимо бью. Похожа, но чем-то другим она занимается – больше любит читать, чем писать. Душа не круглой формы, а похожа на ромб, на четыре стороны. Пока что, лишь это мне в ней интересно!».

«Сложно что-то большее сказать об этом человеке. Возможно, сама себя покажет...».

–О чём вы думаете? – спросила она, не выдержав молчания.

«О чём думаю? Позвонила в дверь и спрашивает: «О чём думаю?»? Ну как сказать, чтоб не обидеть мыслью...» – возмутился он в собственных монологах.

–О том, как закончится день, – ответил он, не найдя ничего остроумного.

–Я проследила за вами, – неожиданно призналась она.

Сразу же вспомнил весь свой вчерашний путь, места, где решал остановиться и паранойю, которую сейчас не оправдал. «Она ещё и проследила. Нечестная игра. Либо не в себе, либо что-то ищет.» – думал о ней художник.

Заметив изменения на его лице, она тут же поспешила исправиться:

–Когда вы сбежали, я отправилась домой, весь свой путь размышляла о том, что вы сделали – это невозможно вычеркнуть из памяти!

Словами задела за живое. Особенно, памятью. Но она продолжала:

–Затем вы прошли мимо моих окон, когда посмотрела в окно. Минуту думала об этом. По-детски, списала на судьбу. Выбежала, но вас не нашла. Вернулась, но вы снова прошли мимо окон. Я не то, что следила... Я хотела с вами, просто, поговорить, но пока решалась, вы зашли в этот дом. Мы оказались соседями. Я живу в пяти минутах лёгкой пробежки...

«Вдруг, кто увидит. Запущу её в дом.», – подумал он, а ей сказал с улыбкой:

–Может, чаю? Раз вас привёл спортивный интерес.

Девушка не растерялась и вошла, ответив:

–Глупо было бы отказать.

«Действительно.» ...

–Значит, вы что-то хотите от меня? – спросил её, накрыв красивый стол.

Уже смотрел на неё со всех сторон. Не только, как на ду-

шу, но и, как на женщину, как на добычу, как на соблазн, как на удовольствие и удовлетворение...

У неё красивые глаза, и они позволяют в них купаться. «Значит, открытая...».

– Какими путями шла ваша логика к такому заключению? – ответила она неожиданной дерзостью.

– Пути быстро забываются. – не растерялся он.

– Боюсь, любая просьба будет слишком велика для первой встречи.

«Смелая. Уже думает о второй встрече. Зацепил её чем-то.», – пришло первым в голову, но ответил:

– Я тоже так думаю!

Ответ её разочаровал, но сама ведь нарвалась на него. Как звучит пословица, не помню?! Думаю, вы поняли, о чём я...

Чай был ароматный, персиковый. В него, обычно, добавляли сливки и мёд и пили с чем-нибудь вкусным. На вкусное – сливочный торт с клубникой. Выбор был велик, ни в чём себе не отказывал, но её решил угостить, пытаюсь угадать её вкусы.

Но никакие сладости эту девушку не отвлекут от главного, и она поспешила донести ему об этом:

– Вчера вы совершили то, что не укладывается ни в глазах, ни в голове, ни в сердце! Я не журналист, я обычный житель нашей планеты, но не смогла быть равнодушной! Все кричат про особенный год, а я им всем не верю...

«Хоть в чём-то мы похожи.», – подумал он, а взгляд бро-

сил на её ноги – «Обворожительные, и ступни, как у золушки.».

–Во что же вы верите? – спросил он в ответ.

–Конец придёт, но не сейчас.

«И ты туда же...», – выдохнул он и спросил:

–Как твоё имя?

–Моё имя Леро.

–Почему?

–Бабушка в этом что-то видела.

–У твоего имени есть история, – задумчиво промолвил он.

–Не такая уж длинная.

–Мне имя дал пророк. – удивил он её, улетаая в свои облака. – Имя без истории, самому писать придётся.

Сестра дала имя, и никто не смог оспорить. Считал её пророком, другие ошибались, что, просто, каркает.

–Я жду, когда ты назовёшь имя, – сказала она, порвав возникшую тишину.

–Арлстау.

–Красиво.

«Что красивого?», – подумал он легчайшим возмущением, но не ответил.

–Расскажите о вчерашнем вечере.

–Я пытался нарисовать душу луны, но у меня ничего не получилось. – ответил он, как есть.

–Я была права, – выдохнула она так, словно для неё это было облегчением. – Это была душа. Но как? Как такое воз-

можно? В чём ваш секрет?

–Я не знаю, – солгал он.

–А почему не получилось?

–Не знаю, – ответил правду.

–Но попытайтесь предположить. Найдя ответ, вы сможете дорисовать! – не унималась она, как дитя.

–Возможно, первым же шагом замахнулся на непосильное, потому и не получилось. – предположил он.

–Так это был ваш первый шаг?

–Второй.

–Что же было первым?

–Мой дом.

Она оглядела дом со всех видимых сторон, с таким лицом, словно оказалась в каком-то фильме. «Эх, фантазии заводят далеко, но не всегда там оставляют.». Конечно же, она сделала вид, что непременно всё поняла, оглядев его широкую прихожу. «Как же без этого! Сам так ни раз делал.».

–Ты рисовал по центру полотна, а на краях появлялись слова.

–Как это? – впервые не понял он её и взглянул на неё с другим интересом.

–Слова состояли из символов. Я не знаток языков, знаю только наш, но визуально такой письменности не встречала.

«Не зря пришла девчонка. Вот он единственный путь расширения дара, сам пришёл ко мне. Видимо, душа слышит мои мысли...».

–А ты запомнила их?

–Даже осмелюсь нарисовать некоторые из них.

–Нарисуй.

Она нарисовала, и художник, словно заново воскрес, будто пересёк новую черту своего дара и смотрел на неё с благодарностью. Не на черту, а на девушку.

–Спасибо, – прозвучала мысль вслух.

–За что?

Вместо ответа нацарапал свой корявый символ. Для неё это круг и четыре линии в нём, для него это слово.

–Такой был там ни раз? – спросил он её.

–Да, – неуверенно ответила она.

–Это мой язык.

–Как понимать?

–Я его придумал, когда потерял руки. Он состоит не из букв, а из слов. Каждому слову соответствует символ, потому мой язык расшифровать невозможно, хоть век ломай все головы.

–И что же там написано?

–Об этом не могу сказать.

–Понимаю, – ответила она с грустью и добавила. – Но ведь люди, видевшие вас, могут рассказать...

–Я об этом позабочусь. – ответит тише, чем раньше

–И всё же, если бы вы дорисовали душу, то, что бы произошло?

–Я этого не знаю, – честно ответил он и задумался, поче-

му, всё-таки, душа луны, и, что она способна дать.

«Вот и продолжение пути, который она мне указала секундой ранее. Что-то должно происходить, когда рисуешь душу, ведь символы не просто же так отразили все его мысли.».

—Сколько вам лет?

—Я молодой.

«Вырос среди нетронутых будущим, близоруких бродяг и помешанных чудиков. Конечно, черты лица не от их влияний корректировались, но не избежать событий, проведённых вместе.».

Художник не собирался расширять свой ответ, лишь взглянул на неё осмотрительным взглядом, и она всё поняла.

—Клянусь, я о вас никому не расскажу.

—Да, да, я верю.

—Я же поклялась! — вспыхнула она.

—Я верю вам. — ответил он настойчивее и добавил. — Вы, ведь, не связываете всё это с «особенным» годом?

—Мне сложно судить.

—Но всё же.

—Могу предполагать, что да. Надеюсь, что нет.

—Мой дар возник не от потери рук, если вас интересует начало! Обычно, в нём ответы, хоть душа рисуется с конца. Дар был всегда во мне, с рождения. Напомнило мне о нём... что-то, и он проснулся.

Для неё это было откровенным. Уже глядела на художника с доверием.

–Что же вы можете этим даром?

Неудобный вопрос. Вопрос, в котором у него самого миллион вопросов.

–Это мне лишь предстоит узнать.

–Здесь? В нашем городе? – с надеждой спросила она, и он это заметил.

–Видите ли, я уезжаю в путешествие, – нежданно, то ли солгал, то ли, действительно, решился он, ведь о путешествии пока, что лишь мечтал, а затем зачем-то надавил на неё. – Другого раза может и не быть, поэтому озвучь свою просьбу!

–Нам важно, как мы пахнем и, как отражаемся в зеркале. Тебе же отражение не нужно. Ты преломляешь себя в зеркалах, видя свою душу, а не тело...

Был готов прервать её слова, чтобы в порыве чувств признаться ей, что он не видит, как выглядит собственная душа, но готовность не помогла действию.

–Ты ничего не знаешь о своём даре, не честно что-то у тебя просить. – продолжила она со всей искренностью. – Секрет твоего дара любопытен, но, думаю, ты сам его ещё не пробовал на вкус, и он маячит где-то впереди. Шла к тебе с намерением кое-что попросить, что жизненно важно для меня, но теперь я вижу, что дар твой намного велик, чем я думала! Сомнения заставили попятиться...

Всё было честно.

Для него душа луны была разорванным покрывалом, для

неё бархатистой простыней. Что может быть общего между этими людьми? На первый взгляд, ничего, но любых двух людей стащить с планеты, оставить наедине, попросить их выяснить, что у них общее, и не пройдёт недели, как окажется, что общее всё...

А кто-то грезит вторыми половинками, не вспоминая, что, кого угодно можно полюбить.

Леро безвластна, но, всё же, стоит того, чтобы её берегли. У неё крутилась в мыслях просьба, а не вопрос. Просьба подразумевает действие, а не слово – слова метать каждый может. Художник молчал, словно соглашался с ней, и она, всё-таки, переступив через себя решилась!

–Нарисуй мою душу...

Она сказала эту фразу шёпотом, но шёпот заставил дрогнуть его взгляд и отдать всё внимание лишь её глазам на долгие секунды.

Во взгляде лишь одно желание – не уступить, а в мыслях: «Может, это есть моё начало?! Не случайно бриз её принёс, не с проста я предложил ей чаю! Её душу вкусно ощущаю, хоть об этом слов не произнёс...» ...

Глава 2

У дорог нет памяти.

Здесь каждому не по душе отказы. Всё чаще просьба, как приказ, звучит! И слово «Да!», как вечные соблазны, а слово «нет», всего лишь, защитит...

–Я вынужден отказать, – с сожалением ответил он.

–Понимаю... – с тоскою выдавила из себя.

«Снова она понимает...», – усмехнулся сам себе. «Её душа, возможно, и вкусна, но рисковать её вечностью не стоит! Сражён, конечно, смелостью, но, всё-таки, вдруг на кону вечность...».

–Я не хочу вас обидеть... – начал он своё объяснение и смело протянул к ней руку, но рухнул на колени.

Наглость стоила равновесия.

–Что с вами? – встревожилась она, а он не мог подняться.

Рассудок мутный, глаза не помогают, а силы не пытаются поднять. «Не реакция ли это на её душу? Надеюсь, что нет.».

Прочувствовал её доброту и отзывчивость, детские мечты и взрослые смыслы – «Необычно, но мужчинам не понять.».
Хорошая девушка, хоть и не претендующая на многое. Ей это и не нужно...

В каждом человеке есть и светлое, и тёмное. Ноги подкоились от того, что слишком чиста её душа. Своя душа покажется помойкой, когда увидишь такую аккуратность всех изгибов. Сами вешаем на себя грехи, чаще незаслуженные, и потом сами же верим, что мы слишком грешные. «Во всём виновата фантазия» – она руководит процессами создания, она решает, как им влиять на жизнь.

Но эта девушка, она не считает себя грешницей...

Всего лишь, попросила, а он уже в её душе, хоть и не затевал такого умысла. Сам был не готов к подобному повороту

событий. Или перевороту?!

Хотел кричать о помощи, но при даме не решился, хотел упасть на пол всем телом, но не мог показать себя слабым. Был бы один, возможно, и поддался...

Девушка испуганно металась по комнате, ища стакан воды, и, отгоняя мысли, что врачи застанут её с его трупом. Сразу же, ругала себя за эти мысли и жужжала себе под нос, что она всему виной. Погубила наивностью – такой гибели никто не ждёт. Врасплох художника застать способен не случайный.

Забегала на кухню, наполнила кувшин холодной водой и вернулась к уже побледневшему художнику, не выдержавшего её отсутствия и упавшего на пол.

Жар блуждал по лицу, жар прокрался под кожу, а холодный ручей так желал его сбить, но вода оказалась бессильной.

–Пожалуйста, очнись! Очнись! – кричала она и не жалела ладоней, прикладываясь к его щекам.

Он слышал вдалеке её крики, «похожи на скрипку», – думал он и не пытался очнуться от этой мелодии и шёл навстречу её душе. Затем остановился. Всего лишь, протянул руку и ощутил её, поддавшись искушению.

Затем всё прекратилось, неожиданно и стремительно. «Открыл глаза – бьёт свет.» – это то действие, которое способно стать фактом, если не будет в мире темноты.

Глаза её встревожены, глаза её полны переживаний, а губы

не решаются сказать, а он встал, как ни в чём не бывало, и огляделся вокруг. Затем посмотрел ей в глаза и сказал:

–Я хочу нарисовать её!

Ожидать такого она не имела возможности, ведь мысли склоняли её к тому, что он умрёт. «Как обычно, ошиблись!», но во всём видеть хорошее не получается.

–Хотя бы скажи, что это было, – нервно улыбнулась она, ища ответом отступления.

–Ещё не придумал этому названия.

–То есть, впервые?

–Вы умеете понимать с полу слова.

–Вы только что чуть не отправились на небеса у меня на руках, а сейчас заявляете мне: «Я хочу нарисовать её!». Объяснитесь... Хотя бы поверхностно.

–Потому что... – промямлил он, и, и, и, и нечего сказать.

То ли начал неправильно, то ли, просто, не желал говорить. Самому ещё это всё разгребать, понимать, принимать какие-то решения. Это не только искушение, в её душе он видел раскрытие тайны собственной души.

«Кто, если не душа человека, поможет мне в этом?!».

–Раз душа луны для Вселенной пуста и не заметна, то и твоя душа глобально не изменит жизнь, – солгал он самым наглым образом.

Ответ не устроил, расстроил, но чего ей грустить, если просьбу её он исполнит. Поднесёт ей душу так, чтоб глубоко ощутила нутро, погрузилась в него и безвыходно в нём уто-

нула.

–Я думала, что погубила тебя, художник. Не повторяй этого! – попросила она его.

–Я жив. Всё хорошо, и ты здесь не при чём, – не успокоил он её очередной ложью.

Помолчала она и ответила:

–Ты такой один! Таких, как я, много, и мне бы не хотелось быть той, кто погубит художника, рисующего души! Такой грех не смогу донести, споткнусь на первом повороте. Ведь мы, просто, живём, и мы, просто, уходим, ну а ты оставляешь свой свет...

–Твоя душа слишком чиста перед моей, поэтому стало тяжело, – не дал ей договорить художник, – и создана ты не для того, чтобы, просто, жить и, просто, уйти. Не просто так же ты ко мне пришла!

–Хорошо, – согласилась она на свою же просьбу.

Он произнёс все слова с теплом и увидел её улыбку – цепная реакция на тепло. Путь её улыбки был похож на путь морской волны – плавно и волнующе нарастала, затем дарила миг на полёт короткой мысли, и потом заканчивалась – красиво и по-королевски, оставляя после себя незнакомое послевкусие.

В Леро не было ничего от царицы, на Клеопатру не похожа она. Много простоты в ней, не мало предсказуемости, но это не говорит о том, что это не украшает. Это в ком-то рождает любовь...

–Спасибо.

Это она произнесла, а не он. Это слово произносится всегда по-разному и слышится не всеми ушами. Врать себе не мог – её «спасибо» звучало приятно. Спасибо бывает, как «спаси» или, как «мне плевать», или, как «от души благодарен!», но в её «спасибо» было два звучания – что он уже её спас и, что он ещё не сделал ничего, а лишь делает поспешные выводы.

Первое звучание обольстило, второе задело.

С такими девушками, как Леро, Арлстау, обычно, был бережен, не совращал порочностью, не лил пустоты, но её душу не считал пороком и пустого в ней не нашёл. Это, как оправдание. Пусть необдуманно, но так он поступил. «Ход не конём, а пешкой. Не даром пешка, как король, а королёк, как пешка!» ...

Лестница, что вела на верх вздыхала и охала от каждого шага её ног, а ноги художника ступали беззвучно. Лестница не дверь и знает, где скрипеть.

Дверь, что вела на чердак, мягко провалилась внутрь – Леро пришлось немедленно войти.

Вот и его комната, где ему легче и счастливее, чем в любых других местах. Или это, всего лишь, иллюзия, самообман, страх перед дорогой.

Чердак удивил, для неё был похож на теплицу, но помидоры не обнаружены. Комната из стекла – а, значит, художник любил свет.

От света люди прячутся, редко наткнёшься на такое. Здесь, будто ты на улице – много Солнца, да и разбитое окно лишь освежает.

Бегло изучила нюансы: на столе разбросаны тетради, листки, карандаши, ручки; разлиты ненужные краски; опрокинут стакан воды; бокал недопитого чая стоит рядом с красиво застеленной кроватью. Кровать стояла по правую руку, с видом на небо и на облака. «Наверное, приятно ему в ней спать...».

В углу, напротив кровати блестела икона, выглядела потёрто, но ей простительно – не один век живёт. Мастер явно о ней заботился и соблюдал в её углу чистоту.

Остальному в комнате, в том числе, книгам и полотнам, повезло меньше – вся пыль досталась им.

«Он ещё ребёнок!», – решила она. – «На виноград глядит, как будто на вино, но это не мешает быть ребёнком. Душа дитя потянет, даже чудо, вот и объяснение всему!».

Но, если бы всё было очень просто, то каждый здесь стал чудом мастерства. Всё не так просто, как им обоим сейчас кажется. Всё только начинается, не здесь всё завершится...

Все мелочи чердака не могли отвлечь от свечения двух шедевров. Сливались с Солнцем, но, всё же, выделялись своим светом. В них не зачата жизнь, но что-то есть. Что-то помимо душ, что-то помимо мыслей художника.

–Что это? – спросила она, ткнув пальцем в его первый шедевр.

–Это душа моего дома.

С минуту рассматривала полотно со всех сторон, но было видно, что ничего в нём похожего на дом не находит. «Лабиринты в прямоугольнике...», – вот и всё, что об этом может сказать. «Чёрные полосы между белыми стенами – если объяснять это глазами...».

Не заметила, как он начал рисовать, а когда обратила внимание, процесс уже стал необратимым. Арлстау скрылся за полотном. «А жаль. Мне нравилось его лицо. Карие глаза не такие злые и тёмные, какими желают казаться; брови стремятся вниз; губы чем-то красивы; причёска обычная, короткая, но с правой стороны решили пересечься два шрама, образуя собой хижину, это добавляло изюма в и так уже насыщенный пирог. Как он живёт с этим даром и с этим лицом?! Наверное, ему не легко...». Для неё было не важно, что он без рук – она, будто не замечала.

Душа сама себя споёт, без спроса и указаний. Достаточно, чтобы она тебе поверила. Станет ли она лучшим шедевром? Решать мастеру. Станет ли незабываемым? Решать шедевру.

Солнце спряталось в туче, откуда-то она взялась на небе, но Леро знала, что туча объявится, ведь видела её, когда художник рисовал луну.

Стали проглядывать ранее неприметные черты его работы. За полотном, то светилось, то гасло, то огонь заполнял все углы, то стремительно вспыхивал свет, а потом медленно потухал. Под конец лишь вспышки, вспышки, вспышки, и свет погас.

Игра света напомнила ей чем-то её жизнь.

Когда закончил, его не била дрожь, не задыхался и не падал в обморок. Куда там, был очень доволен созданным шедевром, чувствовал себя превосходно, и ему очень нравилась её душа.

Сама героиня полотно стояла посреди комнаты, а художник её, словно не замечал. «Любовался другой её частью...», но это не оправдывает.

«Окажется ли важным это творение или посвятит себя пыли?», – думал он, ожидая, что скажет Леро. Он не мог позволить мысли, что ей не понравится.

«Понравится! Хотя и у серых мышек есть свои мороки и капризы, но сейчас не час их раскрывать. Смотри на душу, наслаждайся, не забывая этот момент...».

Плавно развернул к ней мольберт, и её глаза соприкоснулись с собственной душой. Со стороны это выглядело странно, душа то ведь в глазах. Одно и то же, что взглянуть в глаза самому себе и попытаться остаться равнодушным.

Проследил, как изменялись черты её лица. Всё начинается с восторга, когда тебе что-то сразу же нравится, затем изучающий взгляд, просмотр деталей. Исход: либо разочарование, либо принятие таким, как есть.

Визуально все души могут показаться одинаковыми, и её душа способна быть похожей на луну, но это всё не так.

На лице было написано, что зря боялась, но живопись готова для неё меняться на глазах...

Затем глаза пришли к неизмеримой грусти, она намеренно притронулась к слезам, и Леро не выдержала зрелища, что подарил ей художник.

Лицо исказилось непониманием, а в слезах стоял вопрос: «Почему?», и это ни о чём не говорило.

Арлстау пытался рассмотреть в её глазах причины мгновенных перемен, но не получилось – не экстрасенс же.

–Что ты увидела? – спросил он почти взволнованно.

Она взглянула странным взглядом на художника – и жалость в нём и беспричинная вина. Впервые придумала себе грех, которого не существует и собирается нести его весь путь.

Затем взгляд оборвался, и она сбежала. Да, сбежала без слов, без прощаний, оставив свою душу в бережных, хоть и искусственных, руках художника.

Его это задело, другим углом взглянул на дар.

«Бывают же такие!», – возмущался про себя художник, но больше на себя, чем на неё. – «Заинтригуют и сбегают, и на вопрос «почему?» не найдётся ответов.». Волновали и причины и то, куда она сбежала. Не стал кричать: «Постой», не дал себе вмешаться в её выбор. Было совестно, ведь, возможно, она увидела всю свою жизнь от начала до окончания, и в этом лишь его вина.

Взглянул на её душу – всё в ней хорошо, вполне красивая, достойна большего, чем думает.

Коктейль эмоций оставила своим уходом. Страх и совесть

сидят на разных берегах, у каждого свой смысл. Даже, если и тянут к друг другу дряблые руки, то лишь для приветствия. Страху не бывает совестно, совести не бывает страшно.

За окном всё также, как и вчера, как и годы назад, не меняется, хоть опустивший голову ты смотришь иль подбородок гордо приподняв. Ситуации тасуют углы наших взглядов, чтоб заставить видеть по-новому. Отчаяние склонит тебя ниже, подскажет – себя пожалеть. Но у жалости художника есть два лица – в одном всех жаль на свете, в другом лишь пустота...

За окном не только ветви, за окном вся жизнь...

День пролетел, но босоногий вечер всё также не скрывал печали. От счастья до печали – чашка чая, а от печали к счастью – целый путь.

Лучший шедевр не во всех глазах окажется лучшим. Пёструю пьесу разглядят лишь пёстрые глаза, а глаза Леро, видимо, для меня неуместны.

– Это обида?

На этот вопрос он бы ответил:

– Не сказал бы...

Такой ответ о многом говорит...

Как бы не обманывал себя, он ждал, что она вернётся, но ночь уже с небес спустилась, а она так и не пришла.

«Любовь рождается неожиданно, но её счастье, видимо, не для меня.», – оправдывал он простой фразой свои неудачи в чувствах. Когда любовь к нему приходит, он ждёт, когда она

уйдёт – вот и вся причина. Нет, он не полюбил её с первого взгляда – это лишь мысли...

Вспомнил о силуэте, и обрушилась на пол посуда. Не в его комнате, а на кухне. Сердце ёкнуло, но художник, не мешкая, спустился вниз и застыл в проходе, боясь пошевелиться.

Силуэт стоял в центре комнаты и ловил взгляд художника. Он впервые явился днём. Глаза ярко выражались на фоне темноты, но, в целом, эмоций не разобрать. Он был похож на любую, человеческую тень, но чернотой не сравнится ни с одной из своих сестёр.

–Зачем ты это делаешь? Ты меня прогоняешь? – спросил Арлстау, а сам дрожал от страха, не зная, чего ждать.

Ему показалось, что силуэт намеренно обрушил посуду, чтобы изгнать его из дома. Иного объяснения его действиям не находил.

–Это твой дар? Он принадлежит тебе? – внезапно осенило художника, но силуэт был безмолвен, у него не было рта.

Арлстау, как обычно, не стал терпеть молчания, повернулся к нему спиной и собирался вернуться в свою комнату.

–Нарисуй мою душу! – словно сотни объединённых вместе голосов ответили ему в голове, заставив замереть на месте, и лишь один голос ответил: «Не рисуй!».

Оглянулся – лишь гора разбитой посуды. Силуэт исчез, оставив ощущение, что он больше никогда не побеспокоит – всё, что нужно, сказал; всё, что нужно разбить, он не склеит.

«Стоит ли, слушать его? Что будет, если я послушаю и

нарисую его душу? Неужели, мне и правда дано покинуть свой дом и стараться в него не вернуться? Уйти из дома я могу, но бежать из него не готов!».

Домыслы атаковали, а душа несколько часов выпрашивала действий, убеждая, что они важны.

Стоило звёздам занять свои места на небе, как кисть оказалась стиснутой в зубах.

«С чего бы начать?» – размышлял художник, стоя на коленях. – «Кто этот силуэт и где эпицентр его души, где её дно? Чем его душа заканчивается?». Не всегда на дне души самое горькое, но здесь было горько, потому избежал её дна.

Зачем-то посолил воду и отнёсся к этому действию, как к шикарной идее, хоть это и не так. Затем доверился инстинктам, а не фантазии, решив немедленно начать.

Кисть чуть не сломала зубы, как только он поднёс её к полотну. Боль была сложной – он представлял, что слепой стоматолог рвёт ему зубы один за другим и никак не может найти тот, на который жаловался пациент.

«Вот так дар мне достался!» – успел подумать художник.

Отступил лишь на миг, навсегда он не думал сдаваться.

Боль это не повод. Так бы он мог каждый раз отказываться от любви, ссылаясь на такие поводы, но он ведь не делал так, боролся до конца.

Вновь прислонил, стерпел, и закружилась кисть по полотну. Восторг не ощутить, да и продержаться долго так и не сумел. Сдался – также, как и с луной. Но, рано или поздно,

успеет себя оправдать.

Упал на пол и потерял сознание. Глаза мокрые не от слёз, одежда влажна не от пота. На полотне лишь кусочек души силуэта, а мастер испытал столько боли, сколько не видел, даже глазами. Потеря рук не стояла рядом, несчастная любовь стояла в стороне.

«Что же ты такое?», – спросил себя художник, очнувшись где-то через час. Отказался от мысли, что он и есть силуэт, но других мыслей и не нашёл.

Поднял глаза, чтобы взглянуть, что получилось. Повисла тишина, настолько сильная, что чувствовались вибрации между художником и полотном. Между ними, словно, только что, возникало соревнование. «Только вот, кто против кого?» – и это не единственный вопрос войны...

На полотне не было и намёка на светлое сияние, как было с предыдущими душами – на нём изображён меч, от рукояти до острия цвета сажи.

Не было бы напряжения между художником и полотном, если бы не одно «но».

Дело в том, что Арлстау, потеряв руки, сделал себе первую в жизни татуировку и, сразу же, пожертвовал половиной спины. Общая картина: руки вынимают меч из ножен, находясь в начале своего пути.

Ножны броского, чёрного цвета; выглянувший из ножен кусочек стали тоже был семейства тёмных; рукоять и руки не имели цветов – просто, были нарисованы красиво...

–Почему решился на это?

–Искушение.

На полотне форма меча была той же, что прилип к спине художника. Этот факт вернул в реальность, привёл обратно к его прежнему опасению, что силуэт – это он.

Протянул искусственные пальцы к полотну и так захотелось дотронуться, но пальцы, словно провалились в темноту меча.

Художник вскочил на ноги и с опасением взглянул на меч. Подошёл к полотну и погрузил в него руку. Рука вошла по локоть, но ничего не нащупала, ничего не ощутила, а затем её кто-то схватил...

—

История Данучи: фрагмент первый.

Дорога не бывает бесконечной...

Сначала падал в обрыв, но не долго – ничего не видел, кроме звёзд!

Затем пред глазами вид какой-то далёкой, белой планеты, Арлстау, будто бы падал из космоса на неё и без скафандра.

Ещё мгновение и летит над деревней, на высоте двенадцати шагов.

Не понимал, как держится в воздухе и почему не падает,

но быть птицей было по душе – так легко всё, забвением окутан и, что самое важное, сам управляешь полётом, как в детском сне. Захотел выше – напряг спину, поднял голову, и ты уже высоко. Захотел руками касаться домов – и ты летишь по людной улице, и никто тебя не видит.

Деревня была не велика. Все дома из прогнившего дерева. Крыши, покрытые мхами, выглядели жалко, а дряхлые стены не способны остановить, даже трусливого врага. Домов было около тысячи, может, меньше, и ни в одном из них полёт Арлстау не прервался, ни в одном из них не нашёл ничего стоящего.

«Здесь, видимо, живут простые, нищие люди.», – зряче решил он. Жизнь простых людей везде одинакова, жизнь сложных зависит от их сложности.

Но удивляли не дома, а поверхность этого места – здесь почва была белого цвета, противоположной той, что на его планете. От лучей солнца слабо светилась, подобно фосфору. Зелёные деревья на её фоне смотрелись выразительно. Редкая, зелёная трава не казалась лишней – наоборот, побольше бы её.

Всё, что над головой – то же самое, что и в его мире. Небо, облака, Солнце. «Или это не Солнце?!» ...

Судя по свежести воздуха, на дворе расцветала весна. Арлстау нырнул в полотно из ранней осени, потому весна сильно ударила в ноздри, заставила по-новому дышать, а в каких-то моментах задохнуться.

Пение птиц грустным не бывает, и это место не исключение. Песни птиц пролетали мимо вместе с птицами и улетали далеко, привлекая к себе лишь частичку внимания.

«Удивительное место!», – сделал заключение Арлстау, заметив, что скорость его полёта снижается и поделаться с этим ничего не может. Полёт стал не управляем.

Впереди показались две точки. Одна белая, другая чёрная. Арлстау догадался, что это конечная остановка.

Звон мечей привлёк к себе внимание местных мальчишек, что испуганно выглядывали из своих убежищ, художника же привлёк силуэт. Это он был с мечом в руках и сражался с какой-то девушкой на окраине деревни. Оружие способно отвлечь, даже от самого прекрасного – такова его магия. Хоть ты самый ценный из ценителей пения птиц, ты отвлечёшься от них, стоит тебе услышать грохот выстрела или гром бестактного снаряда.

Арлстау подлетал ближе и желал помочь «бедной» девушке от нападок силуэта, кем бы он ни был, но помощь пришлось отложить навсегда.

Художник приземлился на ступни, на расстоянии десяти шагов от сражающихся, и у него замерло дыхание от увиденного.

Девушка была точной копией Леро, все черты лица одни и те же, но, если та выглядела юной девчонкой, то её двойник, явно, старше её лет. Причёска и цвет волос отличали их друг от друга – у Леро волосы дымчатые, до плеч, а у этой

девушки русые, достают поясницы.

Одета в какие-то тряпки, чем-то напоминающие халат.

Перевёл взгляд на силуэт, надеясь застать его глаза, но и они были сокрыты чёрной тенью. Не разобрать, даже причёски!

«Неужели, это будущее?», – пришёл нелепый вывод в удивлённый разум художника.

Помощь этой женщине не нужна. Судя по улыбке, её бой с силуэтом дружеский и больше походил на тренировку.

–Кто кого тренировал?

–Сложно сказать, мастерство есть у каждого.

То, что её оппонент похож на темноту, видимо, ни капли не смущало её. Мало того, в её взгляде были чувства к тому, на кого она смотрит. Такие чувства Арлстау были не знакомы, потому для него оставалось загадкой, кем она приходится силуэту. «Возможно, любовь или любовница...».

Обратил внимание на оружие и вновь удивлён, но уже ярче. Меча с чёрной сталью не было в руках силуэта, его сжимали пальцы этой хрупкой девушки. Она опережала оппонента во всём, в каждом выпаде, в каждом взмахе. Со стороны было видно, что давно должна была победить, но откладывала этот момент, чтоб не слишком задеть чувства силуэта.

Силуэт пал на землю от очередного, казалось бы, несильного удара. Острые локти вонзились в белый песок, а тело стало непослушным. Меч раскололся пополам, и рука не

удержала его половину.

Девушка с улыбкой прислонила остриё меча к плечу силуэта и сделала победное выражение лица.

– Видишь, Данучи, – усмехнулась она. – Я же говорила...

В ответ он молчал. Арлстау заметил, что голова силуэта повернулась к нему и был готов поклясться любой сокровенностью, что он смотрел ему в глаза, а затем перевёл взгляд на руки.

Стало немного жутко. «Где же я оказался? Что это за мир вокруг меня? Если это прошлое, то почему силуэт меня видит? Если это будущее, то задам тот же самый вопрос. Неужели, это настоящее?». Вошли лишь вопросы, ответы остались за дверью.

– Куда ты смотришь? Кого ты видишь? – спросила она, проследив за взглядом, но не обнаружила ничего, кроме пыли и воздуха.

– Теперь верю. В мече и правда чья-то сила! – ответил силуэт по имени Данучи, не теряя взгляда.

– Надеюсь, не твоя, – шутя ответила она, но силуэт над шуткой не посмеялся, а задумался: «Возможно, и моя...».

Она протянула ему руку, чтобы поднялся, и он, наконец, отвернулся от Арлстау, встал на ноги и впился в её губы так, словно они принадлежали лишь ему и никому не будут отданы. Со стороны выглядело непривычно: чёрная тень целует девушку, но её, и правда, не смущало то, как он выглядит. «Или он выглядит так лишь для меня?». – спросил себя

Арлстау и ответил, но ответ был не верным, нет смысла его озвучивать.

Он обнял её одной рукой, и они, не спеша, направились в сторону дома, а Арлстау послушно поплыл за ними, потянуло каким-то магнитом.

–Я нашла его ещё неделю назад...

–Почему же сразу не сказала об этом великом мече? – спросил её силуэт.

За тенью, что накрыла Данучи, его эмоции невозможно разглядеть, но в словах была скромность.

Эмоции его любимой женщины были чётко выражены, и сейчас излучали беспокойство, а не беззаботность, как это было минутой назад.

–Не сказала, потому что, – начала она после тревожной, непродолжительной паузы, – потому что боялась...

–Боялась чего?

–Меча.

–Почему?

Арлстау прислушался, плывя за их спинами, буквально, превратился в ухо. Ему тоже интересно, чего она может бояться.

–Его нашёл мой отец. Не очень-то любил меня, поэтому, наверное, спрятал его на дне сундука. Пришлось сломать единственный сундук, чтобы извлечь его. Впервые увидела его вчера, а сегодня уже не могла терпеть, не имела права не показать тебе!

Повисла тишина. Казалось, что силуэт ни слова не понял, но всё не так.

–Как он нашёл его?

–Он оставил меня ради соблазнов и обогнул наш мир десятки раз, и так нелепо закончил свои путешествия. Наткнулся на глубокий овраг. Захотел постоять на краю, затем пожелал танцевать на краю и кружиться, и в ладоши хлопать, как дурак. Докружился и упал в него! Сломал себе ноги. Он умирал от боли, руками рыл себе могилу и наткнулся на этот меч. Его остриё выглядывало наружу и умоляло выпустить на волю. Меч ждал своего часа, и он к нему пришёл. Чуть не отрезал себе руки, но вытащил меч, и ноги попытались встать и встали. И овраг ему уже не преграда. Не упади он в тот овраг, меч бы никогда не был найденным...

–Похоже на сказку. Думаю, его история преувеличенна, и сочинил её он сам, – ответил Данучи, махнув рукой, а затем спросил с заботой. – А боишься то чего, родная?

–В день, когда нашёл он меч, и началась война! В этот день и мы с тобою встретились... в одном, теперь уже, забытом городке... В его окрестностях и началась война. Ты спас меня и с тех пор ни на минуту не оставил. Раньше никто ни с кем не воевал, никто не знал, что такое война. Ты не можешь этого помнить, но, поверь, войны никогда не было. Даже о слове таком никто и не знал...

Арлстау стало любопытно. Хотел слушать и слушать, но увы...

«Как это возможно? Что за мир у них такой, раз, даже нет войны?! Почему силуэт не помнит пол жизни? Или, сколько он не помнит?!». Ждал ответа Данучи, но ответ ничего не сказал...

—Нельзя винить в этом кусок металла и одного человека. Думаю, мы все виноваты, ведь любим смотреть на жестокое, обожаем глазеть на таких, глядя на которых скажешь: «Я лучше, чем он!». Не любим любоваться достижениями. Мы не те, за кого себя выдаём...

Последняя фраза ранила Арлстау в сердце, заставила подумать о себе...

А жене ответ не понравился, словно правда была про неё, и их диалог был закончен... Для Арлстау.

Он, всего лишь, моргнул и очутился посреди комнаты. Не стал думать, как в ней оказался. Сейчас не до разборок. Время для него пробежало мгновенно, а, значит, повезло, что он здесь не на долго, не будет ждать Данучи до утра.

Комната была кухней. Справа от неё детская. Заглянул – трое детей, мальчик лет девяти, чем-то похожий на Арлстау и две девочки лет семи и пяти, решившие пойти в маму. Спят без одеял, но на простынях.

«Судя по всему, это дети силуэта. Значит, он обычный человек. Нет ведь среди них... таких, как он! Но как спросить об этом и стоит ли?».

Мир его беден, здесь люди, явно, «не летали». О чём можно говорить с этим человеком и человек ли это?!

Силуэт сидел на табуретке в двух шагах от него, держал в руках меч, которым был сегодня побеждён и мечтал о чём-то, и, точно, не о парящем, не о том, как станет лучше.

Арлстау же смотрел не на него. В окне интересней, чем видеть, как силуэт застыл на месте, не шевелился – он, то брал в руки меч, то его отпускал, то глядел на него, то отворачивался.

Ночь у них яркая, светится их белая планета, деревья звонко шелестят.

На небе спутник, заслонивший пол неба, был чем-то похож на его луну, но, то ли в силу своей громадности, то ли в силу яркости сиреневых и фиолетовых цветов, казался красивей и сильнее луны.

Спутник не шевелился, стоял на месте. Он, словно прятал что-то за спиной. Душа огромная, но рук её не видно...

Такова планета Данучи – днём лицом к тёплому солнцу, а ночью к холодному спутнику. Солнце и спутник равны. Менялись по очереди, время поделили поровну.

Их ночь была светла, а белая земля светилась ярче, чем от солнца. От солнца она, можно сказать, и вовсе не светилась.

«Вот так мир. Почему на Земле всё не так? Почему у нас такая маленькая луна? А здесь красив и день, ещё прекрасней ночь, нигде не встретишь темноту...».

Арлстау осмелился спросить. Его вопросы звучали: «Кто ты такой, Данучи? Где я нахожусь?», но не суждено их озвучить. Не мог он говорить в этом месте, пропал голос, язык

прилип ко дну, словно табу внедрили в его слово. «Наверное, мне здесь не место. Я не должен влиять на его жизнь. Эх, а так хотелось спросить... о многом...».

Начал нервничать, раздражало непонимание, не создан он для сложных книг...

Данучи жил в мире, где никогда не было войны, впрочем, как и Арлстау – раз век её не было, значит, никто её не знает, никто с ней не встречался... Но она пришла. «Война!» – смеялся он, хотя вспоминал с тревогой единственное столкновение с ней, что случилось полгода назад, когда из-за неё пришлось искать новый дом, и не только себе. – «У неё не то лицо, чтобы его рисовать. Умирать и убивать ради наживы? Нет, только не ради этого...».

Но любую философию возможно сокрушить, если её насытит тем, чего она не ищет, чего вовсе не желает.

Кто-то бьётся, потому что ему это нравится, кто-то лучший в бою, потому что сам решил таким стать, а у кого-то меч, который не знает поражений, а над кем-то щит, которому не страшен любой меч.

«Мужчины созданы, чтобы воевать!», – так говорило ему утро, и раз до сих пор помнит эти слова, то их не забыть. «Всё-таки души мужчин намного темнее душ женщин, но не всех...».

А что такое душа? Душа это то, что мы из себя представляем. На этот вопрос проще рассказать всю свою жизнь, все поступки, что вспомнятся – это и будет твоей душой.

Умел видеть души любой живности, любых творений природы и человека, но душа меча с чёрной сталью была сокрыта для него, не желала показывать лица.

Сейчас в его фантазиях душа любого человека это пустота, в сравнении со сталью, в которой ничего не отражается. Казалось бы, человек – самое сложное и сильное существо, но, порой, сравнишь его с каким-нибудь куском металла, и человек становится пустым. Удивительно, даже для Данучи...

«Я не оставлю тебя, дорогая!», – обещал он своей жене, одевая кольцо на её палец, и не было шанса ему не поверить, хоть и знала наизусть его изъян, но полюбила души, что он рисовал для неё. Она не умела просить о них вслух и писала ему записки по ночам. Данучи читал их с утра и восхищался её почерку и улыбался всем скрытым словам, что сложены внутри. Его умиляло, как бережно просила нарисовать хоть что-то для неё. Пусть и чернилами просила, а не голосом.

Нарисовал и её душу, когда осмелилась об этом написать самый важный для него листок с чернилами. Хранит его до сих пор, как и её, но ничего не помнит о них, как когда-то давно нарисовал её душу...

Эта ночь меняла всё, ведь проводит её не под тёплым боком супруги, а в обнимку с холодным мечом.

Несколько часов назад он тихо поднялся с кровати, не вызвав скрипа и шороха, и ушёл на кухню побыть наедине с мечом, оставив жену на произвол одиночества, и всю свою

длинную ночь провёл, любуясь чернотой стали. Чем бережней гладил её, тем громче он чувствовал силу. Меч был силен. «Почему же раньше она не нашла такую красоту? Почему именно сейчас?», – не понимал он и не поймёт, потому что, всё равно, об этом забудет.

Арлстау поддержал мужскую солидарность, любовался мечом вместе с Данучи и был не меньше восхищён, но меньше очарован. В мече и правда что-то есть, но, что именно – неизвестно. Арлстау, как и Данучи, не видел его души, но чувствовал её присутствие повсюду. У него то и вовсе меч за спиной, но не вечно быть ему в ножнах...

Утром Данучи не вернулся в кровать, чтобы замести следы отсутствия. На следы стало безразлично где-то в четыре утра. Для Арлстау это время пронеслось за миг, для Данучи тянулось, подобно ожиданию.

Жена застала его наедине с мечом и вздрогнула, уронила на пол стакан, и тот вдребезги.

–Почему ты с ним? – спросила она сразу же, не скрывая тревог и сожалений.

«Зачем я ему показала?! Зачем?!», – в мыслях кричала на себя, но не знала, как до него донести этот крик.

Меч начал войну – так она всегда считала, так считал её отец. Он воевал всего лишь год и вернулся. Не был сражён в горящем бою, а умер от болезни, в холодной постели.

–Я не могу понять его... – начал он, но не закончил.

–Что ты не можешь понять?

– Тайны твоего меча.

– Её не нужно понимать, – твёрдо заявила она, испугавшись сильнее. – Позволь, мне убрать его, чтоб ты не думал о тайнах?

– Нет, – сухо ответил он, и рука потянулась к мечу.

Их диалог не был бы закончен, но его прервал шум со двора и крики местной молодёжи. И силуэт, и его жена спешно обулись и выбежали на улицу посмотреть, что же там происходит. Любопытство...

Десяток всадников терроризировали местных жителей, им явно что-то было нужно, и уходить без этого они не собирались. Первая мысль Данучи была о том, что ищут они меч, но сослал эту мысль в царство паранойи и направился в их сторону с мечом, хоть он и пребывал в красивых ножнах.

На объятия смерти эти щуплые всадники похожи не были, чего бояться ему их?!

– Что вам нужно? – спросил он почти пренебрежительно. – На войну идут по своей воли. В нашем городе никто не желает воевать, никто не жаждет помогать войне...

– Однако, ты вышел с мечом, – ответил ему, видимо, старший из всадников, хоть и выглядели они все одинаково.

Лишь сейчас силуэт заметил, что в сорока метрах от них на чёрном коне восседал мужчина лет пятидесяти, невысокого роста, с седыми волосами, с неприятными, земноводными чертами лица. Взгляд его острый, обжигающий, был полон ненависти к художнику, а Данучи не понимал, за что

и как долго...

Это был полководец, он предводитель войны, жрец насилия. Раз он здесь, глупостей лучше не совершать, но в Данучи проснулась небывалая уверенность в себе, и она намекала на грубости.

–Вы пришли за мной? – допустил он нелепую мысль.

Солдаты от души смеялись над его наивностью, от души старались не остановить свой смех. По крайней мере, именно так всё показалось со стороны.

–Ты один, а нас одиннадцать!

Всадник спрыгнул с коня и начал медленно подходить к силуэту. Остальные последовали примеру, короткими, безмолвными шагами окружая безрассудного смельчака.

–Это ваша война, а не наша! – воскликнул с уважением Данучи, считая, что это он их окружил, а не они. – Это вы богатеете с ней, а не мы! Если вам нужны припасы, мы можем предоставить их, но заплатите за них!

–Нет, – жестоко ответил всадник. – Моё предложение намного красочней. Я убью тебя и сожгу твой дом, и заберу все припасы, и отниму всё, что найду в твоём доме.

Дерзко. Такими словами бросаются, когда абсолютно уверены в победе. Если же нет, то чаще всего ждёт сокрушительное поражение, приземляющее, ставящее тебя на место. Из-за таких поражений в будущем следят за каждым словом. Но Данучи ещё сохранял хладнокровие.

–Вы считаете, – засмеялся он, – что мы не дадим вам боя?

Местные жители не были довольны, что он говорит и решает за них – тем более, речь шла о их жизни. Люди попятились, а, значит, сдались, и никто ему не поможет. Мирная жизнь затупляет смелость. Данучи понял их жест и извлёк свой, непобедимый меч, подняв его над головой.

–Нет, остановись! – заревела жена и выбежала из толпы, теряя слёзы, встав между всадниками и мужем.

Силуэт замер и каждой эмоцией просил её уйти.

Всадник взглянул на неё, затем на Данучи, а потом негромко произнёс:

–Она станет моей добычей, когда ты умрёшь! Она будет моим развлечением...

Эти слова оказались последней каплей для силуэта. Он оттолкнул жену так, что она не устояла на ногах и упала на ладони.

Закрыв глаза и за секунду стал с мечом единым целым. Он бросился не на обидчика, а на остальных, непричастных к его буйству.

Полководец с интересом наблюдал за начавшейся схваткой, зная, что в любом случае не вмешается, что бы в ней не произошло. Ему не было всё равно, ему нужен результат.

Арлстау был впечатлён этим зрелищем.

Данучи кружился в своём жестоком танце. То взлетал, то приземлялся, рубил руки, выматывал ноги, и, что вокруг него с людьми творится его не волновало.

Чей-то меч скользнул по щеке, и в черноте силуэта появи-

лась алая кровь. Он не придавал этому значения и продолжил свой не последний бой...

Все пали, кроме старшего, а силуэт, даже не устал. Устоял против всех. «Интересно, каким было его выражение лица в этот момент?», – но Арлстау по-прежнему видел лишь тень.

Минута, и битвы уже нет. Три капли крови на лице, а остальные на одежде, что тоже сокрыта тенью. На нём рубашка – явно, не доспехи.

Огляделся – шок на лицах местных, рыдающая жена и светящийся счастьем полководец, приготовивший ладони для рукоплескания.

Все воины лежали на земле, все воины изящностью убиты – полководец от души аплодировал, остальной люд побоялся ему уподобиться. Полководец смотрел в него так, словно видел не впервые, будто знает его, но Данучи не припомнил таких знакомых, хотя во взгляде ясно видел цель. Цели людей – это то, что в первую очередь бросается в глаза в их душах.

Старший всадник, обидчик силуэта, получил лёгкое ранение в плечо, но пятился от Данучи, лёжа на спине, словно ранен был в ногу. «Прости! Прости! Прости меня!», – кричал он растерянно на весь город, и каждый здесь думал, что простит, даже полководец допускал эту мысль, но Данучи подбросил меч высоко в воздух, и тот упал остриём вниз, пронзив гнилое сердце.

Лицо жены и так было бледным от ужаса, а последний ход

её любимого муж придал лицу большей белизны, ей хотелось от него бежать. Что-то ей нужно было ему сказать, в чём-то обязательно признаться, но полководец, которого воодушевил его последний ход, её опередил:

–Вижу, война для тебя это искусство. Позволь, поговорить с тобой, великий воин, – начал он, как слуга, а не король.

Данучи спрятал в ножнах меч и отошёл с полководцем в сторону, чтобы жена не слышала их разговора. Он знал, что ему предложат, но ещё не был готов согласиться. У самого было много вопросов и лишних для дорог подозрений. Чтобы идти, нужно быть заполненным, но лёгким...

–Ты был неподобен в бою, ты был неуязвимым. Никогда подобного не видел, – начал лестно лгать полководец, но Данучи его перебил.

–Что ты хочешь?

Звучало грубо, ведь перед ним почти король.

–Я желаю вновь увидеть это зрелище!

–Это легко устроить. Приходите ещё раз украсть у нас припасы, и ты увидишь, как я бьюсь с открытыми глазами.

–Шутник, – нетерпеливо улыбнулся полководец. – Я приду, но нас будет тысяча...

–Думаешь, я не справлюсь? – с вызовом бросил Данучи.

–Думаю, справишься, но не справятся остальные, и ты останешься один.

–Угрожаешь?

–Нет, говорю, как есть!

–Не боишься, что это может быть последней минутой твоей жизни?

–Нет.

–Почему же?

–Видишь ли, сыночек, – начал полководец с теплом, – войны никогда не было, как все знают, и её начал я. Вы все ненавидите меня за это, но, если бы хоть кто-то знал о ней то, что знаю я, каждый бы меня поддержал...

–Вы ведь бьётесь с тем народом из-за наживы! – ещё раз перебил его Данучи.

–У многих воинов присутствует желание разбогатеть, и их можно понять, но я не воин, я полководец! Богатств у меня предостаточно, я бьюсь ради цели, бьюсь, потому что есть во мне ярость сражения, как и в тебе...

–Что вы хотите от меня? – повторил силуэт изначальный вопрос.

–Помоги мне победить в войне, разделим вместе славу...

–Слава мне не нужна.

–А что нужно?

–Боюсь, ты этого мне не дашь.

–Если тебе нужно, чтобы жили достойно ты и твоя семья – я дам тебе это. Если болит душа за остальных людей, то и они будут жить достойно. Другой народ не заслуживает своих богатств, своей силы и долголетия. Заберём это у них. Война ради мира, война ради людей. – потом замолчал на секунду.

ду, вспомнил что-то и продолжил. – Вернёшься богатым, настолько, что правнуки будут питаться твоим хлебом и боготворить твоё имя. Я прошу всего лишь полгода под моим флагом, и тебе всю жизнь не надо будет ни о чём молиться.

«Война началась с зависти? Неожиданно. Зависть у тех, кому мало дал Бог, а это на тиранов не похоже. Те, кому Бог предоставил много, обычно, не завидуют.», – размышлял Данучи, но он судил, в основном, по себе. Когда ему высказывали за это, он отвечал: «А по кому ещё судить, если не по самому себе?!».

– Хорошо, – неожиданно ответил Данучи, чем и удивил, и обрадовал собеседника. – Я согласен.

Полководец растерялся, не знал, что ответить, но не пришлось.

– Подождите меня двадцать минут. Попрошаюсь с женой, – сказал Данучи без аккордов грусти и ушёл, оставив полководца в тяжёлом недоумении.

Не знал, что такое война. Не хотел пробовать, но желал разгадать загадку меча и все тайны войны, чтобы с ними раз и навсегда покончить.

Хотя, причины вовсе не нужны, и меч не способен быть оправданием.

Жена ждала в доме, переживая, но не зная, что потеряет мужа, что он покинет её, быть может, навсегда.

Не винила его в том, что произошло сегодня, обвиняла себя и не понимала, что побудило достать этот меч, что был

достоянием её отца. Даже не помнила момент, когда рубила сундук на куски. Он ускользнул из её памяти, и вернуть его возможность не нашла.

Дверь распахнулась, и жена была готова к худшему. Для кого-то надежда умирает последней, для неё же последней гибнет любовь.

Виноватый взгляд и виновные руки, он присел с нею рядом и её приобнял, помолчал с ней немножко и начал тяжёлую речь.

–Если я не уйду с ним на войну, то война никогда не закончится. Никогда! Видит Бог, я не хочу уходить, но нужно. Ты ведь знаешь, что лишь я могу её остановить, тебе нужно меня отпустить...

В его речи присутствовали и ложь, и правда, но любящим сердцам не нужно разделять слова. Она вникала в них, и хотелось кричать от боли, но в ответ он услышал лишь её участвовавшее дыхание.

–Люмуа, – наконец, он назвал её по имени. – Я вернусь к тебе и к нашим детям, и жизнь наша будет лучше, чем вчера.

–Вчера я была счастлива, – ответила сухо она, еле сдерживая слёзы.

–Меч я оставлю тебе, – проигнорировав её слова, сказал он о своём.

–Нет, – вскрикнула она, вскочив со стула.

–Почему? Ты ведь понимаешь, что у него появилась власть надо мной. Я смогу сражаться и без него, своей силой.

–Ты не знаешь, что такое война! С войны ты мне нужен живой, и с этим мечом ты останешься жив! Никогда, слышишь, никогда не выпускай его из рук! Уж лучше бейся мечом, используй чужую силу, не применяй свою...

Силуэт поднялся на ноги и зашёл в детскую. Дети повисли на нём и просили не уходить, но папка нынче никого не слышит.

Дверь уже ждала его, а он не мог оторваться от жены, целовал её губы и руки, а на ухо шептал что-то похожее на слово «Прости», но оно было бессмысленным сейчас.

С досадой толкнул свою старую, избитую временем дверь и представил, что когда-то она будет из золота. Потом смахнул эту мысль и вышел из дома.

«Не от золота мои дети будут счастливыми.

Перед тем, как уйти, обернулся, крепко обнял свою Люмуа, словно обнимал в последний раз, и подарил ей взгляд на прощание.

–Я вернусь к тебе, – тихо промолвил Данучи, но она его не слышала, ведь не верила именно этой фразе.

Улыбнулась ему опечалено, и он ушёл...

До последнего глядела вслед, как он послушно уходил за полководцем! Конечно же, надеялась, что он сбежит в следующую секунду и вернётся к ней, но секунды меняли друг друга, а побег так и не состоялся. Надежда уже не дышала – Данучи был потерян для неё...

Полотно отдернуло от себя искусственную руку и оставило Арлстау наедине с собой – молчаливого, обременённого, но внезапно разбогатевшего. «Побывал там, где меня не было!», – первое, что пришло в его голову, а вторая мысль звучала так: «Две жизни сделают вдвое сильнее!». Наивно, но мысль художнику понравилась.

Всё это похоже на сон. Сон, как данность, если не записал, то всё – он пропал, исчез навсегда, как что-то ненужное. Поэтому он их записывал, но это не сон и записать его некуда.

Начало истории Данучи лишь больше запутало художника, который уже устал искать версии, кем был силуэт, из настоящего он или прошлого? «Интересно, что будет дальше?! Куда его погонит путь и что они с женой от всех скрывают?! Правду или ложь?! Ложь скрывать вовсе не глупо, правду скрывать благоразумно. Что за силу он прячет за тенью? Хм, любопытно...».

Эти мысли были быстро откинута в сторону, и образ силуэта представлялся другими сторонами, в новых красках. Пытался его чем-то оправдать, желал увидеть его в ином свете. «В каких-то моментах прорезались ведь его невидимые черты, особенно, когда прощался с детьми и с женой. Для всех людей силуэт был обычным человеком и выглядел, как человек. Если это настоящее время, то это параллельная жизнь, а если прошлое, то вариантов много, но сомневаюсь,

что это моя жизнь! Но, если допущу эту мысль, то это поразительно. Значит, Леро была мне женой и искусила меня на войну, и здесь мы снова встретились, без слова попрощавшись! Интересно...».

«Кто ты, силуэт?», – чуть ли не кричал он в стеклянное небо, но, на самом деле, молчал.

Данучи, казалось бы, сам желает раскрыть себя и свою историю, но темнота, покрывшая весь образ, мешает ему в этом, и неизвестно, кто ею правит и любопытно, кто правит тем мечом, что чтит непобедимость...

Арлстау горел желанием продолжить его душу, но, вспомнив о боли, что испытал, пожар свой остудил, и возгорание его отсеял на потом. Сгореть можно и от любопытства, но лучше уметь ждать, чем не уметь.

От ночи хотелось получить крепкий сон, ведь завтра утром художник, возможно, решится на своё первое путешествие, и кто знает, сколько сил ему понадобится в первый же день. Однако, сон сегодня потерял к нему дорогу.

Наделённый богатством мыслей обречён засыпать не сразу, ворочаясь с одного бока на другой, с живота на спину, наивно полагая, что положение тела способно остановить поток информации, врывающийся в холодный мозг, предназначенный для огненной души. Затем он включает телевизор, чтобы посторонний голос из динамиков смог остановить нескончаемые мысли в голове и вновь пытается заснуть. Это помогает, но не всегда – есть мысли, что сильнее сна.

Не редко мечтания сильнее всего постороннего, ведь они – то самое твоё, они есть ты, и от них никуда не сбежать. Утром не до них, а днём до них нет времени, вечером без них уже устал, поэтому, как только наступает ночь, все твои тайные мечтания приходят к тебе и выстраиваются в километровую очередь с одним желанием – напомнить о себе, чтоб никогда о них не забывал.

Обременённый богатством мысли спит, как убитый. Дай лишь удобно присесть, как храп услышит каждый.

И сказать то больше нечего. Бремя – не подарок, как и время. Кого-то обременяет и счастье в своих различных проявлениях. Такое бремя считается подарком, но вкус его иссякнет на глазах.

Луна над стеклянным потолком потеряла свою полноту и для художника похожа на калеку, напоминала незаконченный шедевр. «Ты стала лишь напоминанием своей души!», – вслух произнёс он, но тут же вычеркнул из головы, посчитав фразу двусмысленной и несправедливой.

Над стеклянным потолком пролетела тучка и заставила художника в который раз открыть глаза. На миг всего его луна исчезла, а сон ушёл, быть может, до утра. Да и приходил ли он вообще?

Вскочил с кровати и начал собираться. Даже для него самого это действие стало непредсказуемым...

Душу луны непременно возьмёт с собой в путь, его раздражает всё незавершённое – не простит себя, если не закон-

чит. Душу силуэта обязательно прихватит, в ней он видел ответы на будущие вопросы, но понять их можно не сейчас!

«Так! Что же ещё взять?», – думал Арлстау, но напрягался зря – брать то больше нечего. Сейф, если только очистить от лишних пачек бумаги.

Вновь вернулся в кровать пробовать заснуть, мечтая о чём-нибудь.

О чём же мечтал художник, владеющий, единственным в своём роде, даром на Земле? Деньги у него есть, и их у него много, и ими он нашёл какой-то толк, поэтому мечта большинства людей отпадала сразу же. В славе не нуждался в силу неуловимой взгляду мудрости, и слава это то, что может загнать человека в угол и ограничить его мир настолько, что от него могут остаться лишь четыре стены и потолок, а это способно убить любой дар. Такой поворот ему не грозил, ведь он не собирался мелькать своим лицом перед любопытными камерами.

Может быть, художнику нужно могущество? Это, скорее всего, ближе к истине, но ещё далеко от её нутра. Владея способностью нарисовать любую душу, какую только пожелает, даже душу далёкого солнца, он уже наделён определённым могуществом. Получается, могущество ему не может быть мечтою.

О чём же мечтал художник? Мечтал для себя или для людей? Желал изменить свою философию или философию человечества? И в какую же сторону он желал изменить эту,

так называемую, философию?

От раздумий отвлѣк незнакомый голос – не за спиной, не за окном, не под кроватью, а в голове. Голос не был жутким, но его присутствие в голове вызывало страх. Ещё бы, раз не способен контролировать, что творится в своей же голове. Вопрос этого голоса был настолько банальный, что художнику могло показаться, что с ним пытаются познакомиться.

–Сколько тебе лет? – повторил неизвестный, хриплый голос.

–Кто ты и какая тебе разница, сколько мне лет? – ответил художник, оглядываясь по сторонам и чувствуя себя загнанным и сумасшедшим.

–В чём-то ты прав. С одной стороны, нет разницы, что тебе и нет тридцати, раз когда-нибудь вспомнишь миллиарды лет своей жизни, но с другой стороны...

Голос остановил своё слово, голос ожидал вопроса.

–И что находится с другой?

–Спросил про возраст, потому что не спешил ты с открытием своего дара. Я ждал, что с детства начнёшь рисовать души, но не созрел тогда. Так что, чем раньше ты начнёшь действовать, тем больше времени тебе останется...

–Останется на что?

–На жизнь.

–Да? – заинтересовался художник, хотя любопытнее было узнать, кто с ним сейчас говорит. – Что же ты ещё знаешь о моей жизни?

–Я знаю, – зашептал голос, – что подарю тебе всё, что ты пожелаешь и всё, чего тебе не хватает, при одном условии...

–Каком?

–Что ты никому и никогда не отдашь свой дар, как бы у тебя его не попросили!

«Условия у него, что надо!», – подумал художник.

–Зачем же мне отдавать такое чудо?

–Вот именно, – воскликнул хриплый голос, – это чудо, и лишь глупец способен отказаться от чудес!

–Меня ведь узнает весь мир, если продолжу рисовать?

–Конечно же, весь! Прости, без этого никак.

–И будут узнавать на улицах?

–Это зависит уже от тебя.

–От этого не пострадают мои близкие?

–Скорее, наоборот.

–И я доживу до старости?

–Да, – усмехнулся голос неожиданному вопросу.

–Ты лжёшь! – твёрдо заявил художник, изменив своё настроение на штыки.

–На счёт, старости?

–Да.

–Какая разница, сколько тебе жить, если ты умрёшь великим?

–Как? Как какая разница? Это же моё время! – швырнул возмущение художник.

–Время для тебя ничто, и ты сам об этом знаешь! – заши-

пел голос.

– Хорошо. Ничто так ничто, – согласился художник, хоть и знал, что ещё ни раз поспорит с этим таинственным голосом.

– Кто ты такой? – спросил Арлстау после паузы, но голос вовремя исчез, и все его следы простыли. . .

«Кто сотворил меня, тот и имеет право забрать мою жизнь.», – размышлял уже позже художник. – «Но, если я сотворил себя сам, то, как же мне быть?!».

Он так и не заснул от бури эмоций, что подарил ему диалог с неизвестным персонажем, так и не закрыл своих глаз.

Поднялся с кровати раньше лучей солнца. Утро ещё не успело издать своё начало и отойти от бурной ночи, а вещи уже собраны.

Оставил дому, что и так принадлежит ему и то, что общее у них на двоих. Себе взял, что собственно, что дорого для глаз, что бесценно для сердца и необходимо для пути – душу луны, душу силуэта и всемогущие деньги, что ожидали своего часа в недоступном, для всяких глаз, сейфе.

Не долго сомневался, оставить ли дому его же собственную душу, и из битвы сомнений победителем вышел дом. «Как он без неё?!», – сказал себе художник и оставил её на чердаке, поставив на пустой подоконник.

На счёт души Леро художник не сомневался, что ей не стоит разделять с ним дорогу, но, однако, он оставил её на своей не застеленной кровати, хоть и понимал, что ей там тоже не место.

Не знал, вернётся ли, но сейчас это было не важно – это будет важным при возвращении, если оно, конечно же, наступит. Сейчас лишь важен его уход и то, как он уйдёт и куда. Красивым уход не бывает – грустно, как ни крути.

Столько мест желал посетить, все их души срисовать для мира, а, может, и для себя. «Покажу себя миру безжалостно-му. Быть может, кто-то в нём не только оценит мастерство, но и поймёт его, кто-то и поддержит в его начинаниях, кто-то спасёт, кто-то погубит.» ...

Снова вспомнил Леро, и душа заметалась – то к ней, то ко всему миру. «Она ушла!», – рычала одна сторона, «Она вернётся!», – отвечала другая. Кому из них верить, если в обеих есть он?!

–Да и что он способен ей дать, если она вернётся?!

–Ничего.

Дар взял верх над неокрепшими чувствами. Чтобы окрепнуть, им нужно время, а у них с Леро его не было. Скажете, что его выбор жесток? Не спешите с выводами, скоро в его голову придёт такое, на что никто из нас не способен, и выбор его, действительно, пропитается жестокостью...

«Интересно, как выглядит душа ни живого и ни мёртвого? Как выглядит душа, к примеру, памяти? Это ведь не дом, не луна и не человек.». Начал представлять её, и она представилась спиралью, с обеих сторон которой присутствует конец. «Если силуэт это художник, то способен он на многое, раз на войну собрался без меча. Значит, он не просто рисует, а

воплощает свои души в жизнь...».

Сейчас, как никогда, художнику нужна была поддержка. Поддержка это то, чего всегда не хватает, сколько бы её на тебя не осыпалось. Арлстау вспомнил всех людей, что считал близкими и позвонил, кому смог, спросил: как дела, поговорил о жизни. Всем сообщил, что отправляется в путешествие, но, что бы он не сказал им, они всё равно будут переживать. Переживания близких людей имеют колоссальную связь с судьбой человека, о котором переживают, но, к великому сожалению, ничего хорошего они принести не способны. А жаль. Как бы не учил он их не переживать за него, это было бесполезно, потому что переживания – неотъемлемая часть человечности.

Набрал номер деда, и тот, как обычно, начал уговаривать его заехать к нему в гости. Арлстау чувствовал себя уязвленным в такие моменты, жалость смешивалась со стыдом и пропадало желание доживать до старости. В старости не слабеют лишь нюх и чутьё, и дед понимал внука, почему тот не едет.

Когда позвонил маме, она задала те же самые вопросы, что и задавала в его прошлый звонок – то, что самое важное для неё, чтоб отложить свои беспокойства на время. Он любил её, но ему всегда было сложно говорить ей это слово. Сыну сложно говорить о чувствах так, как это умеет дочь.

Мама в словах не нуждалась, сама знала, как любит её сын. На этот раз, он сказал ей слово «Люблю», но не признался в

том, что собирается в путешествие.

–Почему?

–Кое-что застряло в голове и просится наружу!

Душа памяти не вылетала из головы до порога дома. Он уже собрался и вышел, и решился идти, но застыл на пороге. На плечах баул – в бауле два полотна, документы и всё содержимое сейфа.

Ни тучки на небе, и солнце цветёт – всё идеально для дороги. «И небо видит наши строки; и солнце слышит наши мысли; и вовсе мы не одиноки – просто, одни взлетаем выше...», – думал он, так и не прогнав из головы душу памяти.

«У дорог нет памяти!», – воскликнул он про себя, и голос в голове звучал, довольно, резко, а мысли стали разум похищать! В дороге мало, что запоминается и случается, все события приходят, когда ноги перестают идти, и тогда нужно быть во истину осторожным.

«Возвращаться – плохая примета!», – сказал он сам себе и сам себе ответил, – «Какое мне дело до приметы, если могу нарисовать её сам?».

Колебания были недолгими, и он решился на недодуманную, крайнюю меру. Зашёл в дом и приготовил всё для создания очередного шедевра.

Хотел встать на колени, но передумал – «Перед такими душами не стоит ползать на коленях.».

Подвинул ближе кресло и упал в него.

–Что будет рисовать, что даже нарушил свои же правила

творения?

– Душу памяти, конечно же! Не смогла она покинуть его мысли.

«В ней столько всего хранится, и, как хорошо, что воспоминания приходят в нужные моменты, но, даже их, порою, лучше исключить!».

Сначала нашёл фотографию семьи и подарил её нагрудному карману куртки – пожелал, чтобы лишь это фото осталось неизменным!

Упал в кресло и задумался обо всём, что собирается сделать в будущем! «Стоит ли это того, что совершу сейчас?!» – спросил он себя, а у ответа две стороны. Ответ, как монета...

Дольше подготавливался, сидя в кресле, а сияющую спираль рисовал несколько секунд, несмотря на то, что она хранитель всего.

Возможно, для кого-то душа памяти выглядит иначе, как и душа художника для всех представится по-разному, но для него память это, всего лишь, спираль, что светится не, как живые души. В ней, скорее, свет был ни живым, ни мёртвым. Сиял, как лампа, а не, как луна...

Полил дождь, хотя синоптики пообещали ясный день. Глаза упали в небо, заметив, что тучи очень похожи на туман. Не смотря на отсутствие густоты, капли были крупными, и через минуту на его стеклянном потолке образовалась лужа.

Художник не был рад тому, что вызвал дождь, но он сей-

час не важен. Все мысли о содеянном.

Если бы Леро не сказала ему про символы, то он не смог бы нарисовать душу памяти; если бы не увидел фрагмент жизни Данучи, то не осмелился бы на это! Всего лишь, повороты судьбы, но заставляют действовать!

Но получилось ли? Действительно ли, творение души на полотне напрямую связано с мыслями? Не проверишь – не узнаешь. Если это так, то его дар, почти, безграничен. «Если смогу вложить в душу любую свою мысль, то дар мой не найдёт конца, построит в небо вечную дорогу...».

Защитит ли душа памяти от взгляда человеческого и станет ли барьером, оберегающим художника от умыслов людей? Этого не узнать, не заглянув в будущее, но такие загадки бесконечными быть не умеют. Раскрывал загадки, становясь загадочным, ускользал от тайн, растаптывая таинственность. Если бы он только знал, насколько загадка не имеет ничего общего с загадочностью, насколько тайна далека от таинственности...

Решился проверить и набрал номер мамы. Она знала его номер телефона, но, подняв трубку, безразличным голосом ответила:

–Да, слушаю вас. Кто это?

–Это Арлстау, – неуверенно промолвил он, а сердце рвало себя в груди, поняв всё с полуслова.

–Какой ещё Астау?

–Извините, я ошибся.

Бросил трубку, а тело дрожит, а душа режет сердце на кусочки. «Вот тебе! Получай, художник!».

– Больно? – спросил хриплый голос.

– Отстань! – зарычал ответ от боли.

«Даже номер мой стёрся, и голос уже не родной!», – кричал он на весь мир. – «Значит, я полностью стёрт! Нет меня теперь ни для кого, словно только что умер, а не родился.».

Достал фото из кармана – оно не изменилось, и Арлстау на нём присутствовал. Нашёл другие фото, а на них его нет...

Не ждал, что настолько будет больно! Когда рисовал, даже спешил, а сейчас жалеет, что не внёс в душу иные мысли. «Жаль, что нельзя её продолжить, раз она уже на полотне! Или можно?!» ...

– Странный ты человек, – поставил диагноз хриплый. – Ты получил, что хотел. Отныне, полностью свободен. Новая жизнь, можно сказать, но я бы не сказал...

Художник не ответил. Это тот момент, когда нет никакого разумного объяснения своим поступкам, кроме как сказать, пожав плечами: «Молодой!». Нет, это не оправдание. И старики рубят с плеча непростительно, а молодым многое прощается и сходит с рук.

Теперь уходить было грустно, но выбор уже сделан. Пожертвовал собой или пожертвовал всеми?! Они останутся его слабостью, но уязвимым от неё уже не будет. Все его близкие люди, даже, если и будут знать о нём, то только, как о художнике, что рисует души, а не о родном человеке.

Возможно, это к лучшему лишь только для него...

Семья это всё.

Кого больше желал защитить, себя или их? Вопрос сложный, способный раздуть. Он стёр их память не по одной причине – это всё, что нужно знать ему! Понимал, что полностью уничтожил свою жизнь, чтобы начать новую, но факт об уничтожении лучше оставить в прошлом. Дорога вперёд уже сияет на его горизонте, и в ней он всё увидит, и в ней он всё узнает – и о жизни, и о душе.

Поднялся с кресла, смахнул с щеки одиночную, незащищённую слезу и взглядом попрощался с родным домом. Спустился в прихожую, накинул баул на плечи и покинул свой уют, не хлопнув дверью.

Возможно, и навсегда, возможно, и не совсем, но дверь свою намеренно открытою оставил, чтоб до его прихода хоть кто-нибудь в неё вошёл.

«Видимо, чтобы дар задействовал себя, нужна жертва! Без этого никак, увы!» – но мысль его такая недалёкая, отстала от современного мировоззрения!

«Не нужны миллионы монет мне, если мир мне закроет глаза, чтобы стать для меня беспросветным, чтобы видел я лишь небеса.» ...

Глава 3

До небес путь короткий, но душа улетает сквозь пальцы.

«Что будет с миром? Такого ведь с ним не было!», – спро-

сил себя художник и ответил честно: «Плохого мира не желаю, поэтому уверен я в своём пути...».

Не желал он жить за экраном. Ему достаточно поселить себя в мысли людей. Для кого-то это: «Слишком много хочешь!», но для него это, хоть и мелочь, но важная – та, что способна повлиять на историю мира...

Ноги шлёпали по лужам, капли били по лицу, город провожал. Махал ему на прощание своими краткими деревьями. Да, конечно, в нём творить ему не дадут. Он бежал, не только потому что знал, что не сможет без своего дара. Было много причин. Также как с душой памяти. Цепь из тяжёлых причин заставила его полностью зачеркнуть свою жизнь и сообразить себе новое начало.

Как дикий волк, сорвался он с цепи, не оглянувшись, побегал на волю...

Чтобы не потерять в дороге своё лицо, нужно приобрести обновлённое. Мы всем показываем маски, и лишь ближайшим истинные лица. Но, если роли поменять местами, то не знаю, возрадовались бы все или ужаснулись...

Представлял в голове свой путь: как будет покорять весь мир – не своим даром, а своей дорогой. Предвкушал свои возможности и размышлял, сколько нарисует душ, и, как они изменят мир. Знал, куда отправится в первую очередь – любой, кто близок художнику, имел бы шанс догадаться с первой попытки. Но теперь не проверить.

И это не в какой-то далёкой стране, а в своей, родной и

горячо любимой.

Денег было много, но путь свой начал он ногами, и никакой кареты не снимал.

Потёртые, светло-серые джинсы; чёрная, кожаная куртка; белый свитер с острым вырезом и бирюзовые кеды – скромно, но выделяться не его удел, хоть и причёска бросалась в глаза своей выразительностью с ровно поставленными шрамами – школьная драка закончилась его победой, но в дело был пущен нож и оставил ему свои ровные отметины, чтоб никогда не забывал.

В ушах наушники, любил мечтать под музыку. Из музыки любил всё, что для него красиво звучало или трогало какие-то струны души. Для него важнее мотив, чем мелодия.

Городские окрестности провожали его, не тоскуя и не плача, наивно надеясь, что он когда-нибудь вернётся. В них не было красоты, как и в любых окрестностях современных городов, будь они большими или маленькими, но после долгих расставаний, они любому покажутся прекрасными.

На востоке тучи собирались в единую стаю, но не желали заливать людей дождями – только припугнуть, чтобы не расслаблялись. Жарой это место не славилось, а дожди – привычное дело, потому никто здесь не жаждал их и не ждал.

Художник же шёл на запад, видел в нём просвет.

Дождь шёл лишь в самом городе. Переступив его черту, для художника дождь прекратился. Он оглянулся, посмотрел в глаза стене дождя, отвернулся и ушёл...

Каждый шаг от родного дома дарил облегчение душе и свободные ступи сердцу. Было едкое и немного обидное чувство, что всю свою жизнь он был пленённым и лишь сейчас догадался об этом. Снял цепь золотую и браслеты, не в них сияние всех звёзд, не в них величие планеты, не в них закаты и рассветы самых красивых в мире слёз.

Освободиться от оков четырёх стен это одно и то же, что открыть в себе второе дыхание, что силой своей превосходит первое. В данном случае вступает в игру парадокс и выстраивает свои собственные правила, где, испугавшись первых, не становятся вторыми, где ямы, как вершины, а горы, как обрыв.

Художнику сразу же вспомнилась старая история про остров, суша которого была полностью, от берега до берега, глубокой ямой. Как он не утонул? В этом одна из фишек этой истории.

Океан вокруг острова был тихим и спокойным, вода – сплошная гладь и не имела права, даже на одну волну, потому остров был непотопляемым.

Люди жили в этой яме и не знали бед. Никто из них не работал, никто из них не пахал, но ни в чём никто не нуждался. Почему? Потому что они дожили до того, что единственной их потребностью осталась, лишь еда, а она каким-то чудом падала на них с небес. Задуматься, что это за чудо такое, они не пытались. Зачем? Они все в голос говорили: «Падает и падает. Ну и пусть, что на землю! Ну и пусть, что всё мясо в

грязи, и, как псы, мы его пожираем!».

Но, однажды, на острове родился человек, не похожий на них, не понявший их древней, закаменевшей морали, не желающий мириться с жалкой участью. Он отказался жить, как животное, отказался пожирать грязную еду, что валялась в ногах и решил выбраться из глубокой ямы, вопреки всем оковам.

Путь был тяжёлым, ведь яма, как гора. Выбраться из неё – одно и то же, что забраться на гору.

Не важно, как он это сделал, главное, сделал. Стоит на краю и смотрит в океан – ни волны, ни намёка на ветер. Шаг назад – и скатится на дно, но если шаг вперёд – то вдохнёт жизнь в океан и уплывёт в чарующие дали.

Гладь океана была непоколебима и прекрасна. Достойное для глаз зрелище, но не в красоте этот человек видел свой смысл.

На берегу ждала кого-то лодка, но вёсла для неё кто-то забыл оставить, и человек, не зная, что делать, обратился к океану:

– Помоги мне! Помоги, прошу тебя! Я хочу уплыть из этой ямы, хочу быть свободным от всего, хочу парить по миру и наслаждаться жизнью!

– Ты уверен? – спросил его океан.

– Уверен, – ответил человек.

– Уверен, что не был свободен?

– И в этом я тоже уверен!

–Тогда садись в лодку.

Человек послушался и занял в лодке своё место. В прочем, оно было одно. Безграничная гладь океана исчезла, испарилось её существование и появилось его первое течение, которое сдвинуло с места неподвижную лодку. Человек уплывал далеко и впервые был, по-настоящему, счастливым, но решил оглянуться, чтобы взглянуть в последний раз на остров.

Но остров уже утонул, и где-то под водой он кричал человеку, то ли «Спаси», то ли «Спасибо» ...

Мораль истории печальна, но глубока, как и теперь тот остров.

Ноги художника, не привыкшие к долгой ходьбе, устали уже к полудню, а сам художник думал о морали той истории, а не о своих ногах. Его ноги спас микроавтобус, проезжающий мимо и остановившийся по воле каких-то Богов или по воле доброты человеческой – о таких «мелочах» люди не задумываются.

–Тебя подбросить, парень? – спросил усатый дядька, выглянувший из окна.

Первая мысль: «Не маньяк ли?», вторая мысль: «Вроде, похож на соседа дядю Толю.», но это точно был не он.

«Да кто их знает этих добродетелей...», хотя сам был таким. Но сел в машину и даже посчитал, что это было смело.

–Ты что, правда, куда-то собрался идти пешком?

–Ну да.

–И куда же здесь можно идти?

–Далековато всё, согласен, – ответил Арлстау и решил съязвить. – Я и рассчитывал, что кто-то остановится.

–Остряк...

–Я заплачу вам, куда бы вы меня не довели.

–В конце пути решится, надо ли платить, – улыбнулся водитель и добавил. – Бежишь от кого?

–Нет. Просто, путешествую по миру.

–Этим ещё кто-то занимается?

–Как видишь.

–И как?

–Хорошо.

«Ну да, умеешь ты рассказывать.» – подумал водила и спросил:

–Солдат?

–Нет.

–А кто?

–Художник.

–И как?

–Замечательно.

Потом тишина. Арлстау думал: «Ну, наконец-то!», а водитель не сдавался. Не спал, как и художник, прошедшую ночь, потому говорить было нужно, ведь глаза так и желали закрыться.

–А где остановишься?

–В багряной роще.

–Так и тянет туда возвратиться?

–Нет, я впервые.

Багряной эту рощу назвали из-за бордовой травы, которая там растёт – была искусственно выращена во имя красоты мира. В трёх километрах от неё и выросли два дерева, что коснулись небес.

Водитель задумался и подбирал слова, чтобы насытить их своим восхищением

–Первое чудо света – так называют их, – начал он эмоционально, – и это справедливо, ведь остальное всё объяснимо. Думаю, они появились неспроста. Это знак свыше.

–Какой знак? Что ты мелешь?

Водитель не ожидал такой дерзости и грубого тона, растерялся и замолчал. Пауза была дольше первой, и художник сжалился.

–Ладно, говори в чём знак.

И тот начал нести бред о расплате, очищении, пороках и искушении, которое и приводит к порокам. Конечно же, эти слова не бред, если их отделить от его философии. Но, когда они вместе, это не стоит слушать всему миру.

Его душа – обыкновенный круг, и в ней нет выхода, но это не оправдывает.

Затем усатый дядя доказывал сам себе, что в этом году точно придёт конец света. Ну как доказывал – художник ведь отвечал ему только мысленно. «Ты серьёзно? Подумай сам! Вам ведь внушили эту жизнь с мыслью, что скоро конец. Без

этой мысли ваша жизнь была бы иной!», – думал про себя художник, но ответил тому:

– Ты не в себе! Живёшь чужую жизнь, несёшь чужую чушь!

Художник засмеялся, увидев выражение лица водителя, а тот уже собирался остановить машину и выставить нахального попутчика. Однако, Арлстау вовремя вытащил из баула пачку денег, открыл бардачок и положил в него волшебную бумагу.

Таких денег рука водителя ни разу не сжимала! Нога вернулась к педали газа, и художник со спокойной душой продолжил смеяться.

«Как ребёнок!» – укорил он себя чуть позже и досказал водителю свой ответ:

– Не верю я в это, а вас всех, верящих в особенные года, тайные организации и концы света, считаю сумасшедшими! Вот и всё! Никто не в праве судить меня за мнение – оно ведь часть меня!

Водитель уже не слушал. Не то, что было всё равно, но он уже летал в своих облаках – думал, что подарит дочке, во что оденет жену, а себя уже видел на морях и в барах, с моделями в руках.

С последней фантазией переборщил он, согласен.

– Время покажет, – буркнул чуть позже водитель и решил довезти художника до самих деревьев, хотя мог бы оставить в багряной роще.

Затем долгие минуты молчания, пребывания в дорожных мыслях. До леса ехать сто с лишнем километров и, на удивление Арлстау, за всё это время водитель ни разу не раскрыл рта. Видимо, смирился.

Бывают такие люди – они, вроде бы, добрые, хорошие, но говорить с ними ни о чём не хочется, не интересно и всё. Умел художник обманывать себя, но чаще не желал себе этого, и многословность дарил единицам. Не любил он говорить с теми, кто мало понимает его порядок мыслей, лишь твердя о сумбурности. Взять, даже своих близких – был скрытен с ними и ничего не рассказывал, и они ни раз его этим потакали, но его не изменить и не поменять сущность. Кровное родство не в ответе за понимание. Два брата и две сестры – и все разные, и все говорят на разных языках, хоть и звучание этого языка, казалось бы, похожее...

Дорога уже давно была окутана высокими деревьями, холмистой местностью и оставалось лишь дожидаться момента, когда водитель ударит по тормозам. В окно уже можно было увидеть два дерева, что коснулись небес, но художник намеренно прятал взгляд, чтобы не лишать своё будущее удовольствие некоторых красок.

Лицо водителя вновь вернулось в прежнее, недовольное состояние. Лишь выходя из машины, художник исправил недовольство каждой чёрточки лица водителя, сунув тому вторую пачку денег. Благо, падающее с небес, хоть и не живёт долго, но всегда вызывает искреннюю радость, даже на

лице.

–Ограбил что ли кого?

–Нет, сам заработал.

–Тогда, тем более, не понимаю.

–Ладно, счастливо, непонимающий...

Попрощался и хлопнул дверью громче, чем нужно, но теперь это было простительно.

До деревьев сто пятьдесят шагов, десяток мыслей, два события, а людей столько, словно в километрах от них находятся. Слишком мало для первого чуда света, даже несмотря на то, что в их время можно посчитать в уме, сколько осталось путешественников и среди них не было верующих в конец света. В основном, все сидят в своих норках и ждут, когда настанет их персональный конец.

Взглянул на деревья снизу-вверх и сразу же спустился с неба синего на землю. Макушка у двух деревьев одна на двоих – она густа и широка, и, будто бы пытается зацепиться за небо и проникнуть в него.

«Вот, что, действительно, велико и готово ни на одну вечность, а я, всего лишь, человек!», – подумал он и шагнул на встречу к первому чуду света...

Недалёкое прошлое...

Кому понять переживания Леро? Наверное, никому – никто ведь не знает, что она увидела в своей душе, когда художник раскрыл ей и свою душу тоже. Разделить это знание не с кем. Никто и не поверит, кроме художника, «Но ему ничего не сказала, убежала, как маленький трус!». Он то точно поверил бы.

Что он сам видел в её нарисованной душе, она не знала – ноги, убежав, не позволили ей спросить и об этом, а потом весь день, вечер и бессонную ночь они не решались вернуться, лишь изучали каждый уголок своей комнаты.

Сначала увидела себя такой, какой она и есть, какой себя и представляла глазами дорогих людей – что, чистая она, и лист её не перепачкан; что смотрит правильно на мир, не искажённо; что правит в ней добро и не дано ступить ей в темноту. Ей это понравилось, даже очень и дало ответы на многие сокрытые вопросы, которых сама себе не задавала, и мысли в этом не пытались ей помочь.

Затем узрела кое-что другое, никак не относящееся к её жизни, принадлежащее, скорее, художнику, чем ей – что он принадлежит другой, что у кого-то больше прав на это чудо, и любовь чья-то сильнее её влюблённости. Всё это увидела со стороны, своими глазами, не чужими.

Это не могло не взволновать, но самое главное ожидало, как обычно, впереди. Художник нарисует что-то, что изменит жизнь каждого и нарисует он это не только своими губами. И это узрела своими глазами, но они, словно были не её

– чужие, отдалённые от её разума.

Столько ожиданий, столько желания понять свою душу, а в итоге такое зрелище. «Стоит ли ему об этом говорить? Или нельзя вмешиваться в такие перемены Вселенной?». Не только поэтому сбежала, но это основная причина – увиденное затуманило все остальные причины убежать. Был лишь один выход – бежать от этого человека, как можно дальше, как можно быстрее, хоть и догонять он не станет.

Она посчитала свою душу слишком жалкой и ничтожной перед душой художника, даже, несмотря на то, что души художника она не увидела, даже, несмотря на то, что художник натворит в будущем. Но так считала Леро, и никто бы не смог её переубедить, кроме самого художника.

Ближе к вечеру уже жалела, что попросила его нарисовать её душу, ещё большее сожаление испытывала от того, что сбежала. Таких людей, просто так, не встречают, такими не разбрасываются по пустякам. В тот же день она хотела вернуться к нему, и, если потребуется, на коленях попросить прощения за свой поступок, но не смогла, колени были не готовы. Страх остановил её и попросил перенести все свои слова на следующий день, без труда убедив, что завтра будет лучше, чем вчера.

Ночь провела с мыслями о художнике – можно сказать, в его постели. Громко сказано, но своих желаний не обманешь. Терзала в ней простыни и смелую фразу «Нарисуй мою душу». Начинала себя ненавидеть.

Заснула поздно, потому проспала тот час, когда художник был ещё дома, не услышала свой будильник, который угадал время пробуждения, но вознаграждён за это не будет. Художник ещё не покинул пределов города, но в доме его уже не было. Не ругала себя, не порочила, в неведомом никто не виноват. Спина болела невыносимо. Чем больше носишь на себе, тем сильнее болит. И вовсе не в знаниях дело, а в поступках. Но всё это сейчас не волновало.

Волновало лишь одно – она забыла лицо своего художника. Представляете? Помнила всё о вчерашнем, но забыла лицо...

Сорвалась, как с цепи и побежала к нему по ледяным лужам, по которым он скоро пройдёт. Живёт недалеко, но боялась не успеть, а страх, как обычно, подвёл – она и не успела, и разминулась с художником на перекрёстке. Их город не так велик, двести тысяч душ, и люди здесь толпами не носятся, но Арлстау не заметил Леро, что мимо него пронеслась на последней секунде своего светофора.

Она же, наоборот, заметила парня на другой стороне дороги. Он прятал руки в карманах и уже собирался идти на зелёный, безразлично глядя в светофор. Заглянула в его лицо и не узнала даже. Побежала дальше, а он перешёл дорогу и уже через пару мгновений пройдёт мимо её окон.

В каких единицах измеряется мгновение? Не в единицах времени уж точно. Но в этом она убедится, если когда-нибудь вспомнит его лицо и вспомнит этот день, когда его не

узнала.

Она бы дошла до него своей уверенной, красивой походкой или, просто, столкнулась бы с ним по дороге и не позволила уйти, но, проснувшись, не вспомнила его лица, глаз, губ и чуть с ума не сошла от боли. Да, было больно. Сразу поняла, что что-то случилось. Лишь смазанный образ в голове, да и то он не помог через пару мгновений. Всё это очень встревожило, потому она спешно оделась и выбежала под дождь, снова допуская нелепые мысли, что способна погубить художника.

Вчера его лицо было почти совершенным для неё, а сегодня она не узнаёт его среди всех лиц своей памяти. «Как это возможно?», – спрашивала себя. Этому вопросу не долго оставаться загадкой, но пока что ему лучше быть неразгаданным для неё. Хоть немножко спокойно пожить. Да, пока что для неё это ещё спокойствие, ещё не все знания сорвали её крышу и разрушили дом.

События вчерашнего, конечно же, остались в памяти. Иначе бы, проснувшись, никуда не побежала, а с предельным спокойствием начала свой обычный день, похожий на все остальные. Всего лишь забыть, что было вчера и всё – живи, как раньше.

По дороге подбирала те слова, что скажет ему при встрече, с чего начнёт и чем закончит свои объяснения. Причина её побега заметно изменилась сегодня. Мало того, вчера причин было много, а сегодня она единственная: испугалась,

что окажется ненужной художнику, а нужной быть желала. Но стоит ли так громко заявлять человеку, лица которого не помнишь? Или лицо, и правда, не важно?!

Возможно, со стороны увидевший всё это не поверит в её слова, а другой от души пожелает, чтобы Арлстау и Леро нашли друг друга и всю жизнь были вместе, как это бывает в кино, но сейчас они разминулись. Просто, прошли мимо друг друга...

Жизнь интереснее кино, за кадрами мы более настоящие. Стук в дверь, потом ещё и ещё, и десять минут бессмысленных, отчаянных стуков, не познавших надежды. Девушка понурила голову, но не грустила, а злилась. Ненавидела себя за то, что придётся снова уйти, не пряча горьких слёз от безразличных прохожих. В эту секунду свой вчерашний побег считала роковой ошибкой, преступлением, а в совести больше правды, чем в правосудие. Но такая правда ей не нужна!

Дёрнула со злостью тяжёлую дверь, и та распахнулась перед ней. Неожиданно. Неожиданно не то, что злость её сработала, а то, что дверь для неё оказалась открытой. «Значит, он не ушёл?!», – немного обрадовалась мыслями, но не решалась зайти. Заглядывала внутрь, и что-то ей мешало.

Дом стал пустым и не давал решиться. Словно не простил он, будто, уйдя – она уже не гость.

Когда решилась войти, в прихожей сразу ощутила пустоту и чуть не задохнулась. Дверь на кухню тоже открыта, и горы разбитой посуды примкнули к глазам. Обострение всех

прежних переживаний не заставило себя ждать.

Взглянула на осколки – ни одного крупного. Посуда была разбита вдребезги, на маленькие, словно кем-то отобранные кусочки. «Что же это такое?», – не успела подумать она, как ноги спешно засеменили вверх по лестнице.

И здесь дверь оказалась открытой. День открытых дверей, но внутри ничего, в каждой комнате пусто.

Первым бросилось в глаза передвинутое кресло. На кресле лежала чья-то душа, похожая на спираль. Ничего ей не напомнила своим полу бесконечным образом и плёнкой, что накрыла её свет, но что-то ёкнуло в груди, когда в неё глядела.

Не замечено, прошла мимо. Она даже не сумела предположить, что это может быть.

Что-то защebetало в животе, когда застала свою душу на кровати. Было приятно. В ней ничего не изменилось визуально, но душа уже молчала, боясь с ней чем-нибудь делиться. Взяла её на руки почти бережно, но держала на расстоянии от своего лица, как достояние, как величайший экспонат. Желала больше в ней увидеть, но куда ещё больше?!

Ждала художника. Надеялась, что он, просто, вышел куда-то и забыл за собой закрыть дверь, сейчас вернётся, и она всё ему расскажет, убережёт его дорогу от грехов.

Так увлеклась своей душой, что не заметила, как кто-то вошёл в дом, заглянул на кухню, постоял, подумал, услышал скрип на чердаке, поднялся на чердак и в эту секунду стоит

сзади и смотрит, то на её спину, то на её душу. В руках пришедшего дрожь, в пальцах гостя пистолет, желающий стрелять.

Леро услышала дыхание, резко обернулась и закричала от неожиданности, когда их взгляды пересеклись. Перед ней стояла женщина в белой маске. Казалось, что маска была сделана из кости – от неё исходило благородство, но оно навредила жуть.

Хоть маска белая, но чёрный плащ до пят темнее ночи. Было видно лишь глаза и губы, а по ним то сразу ясно, кто женщина, а кто мужчина.

Пистолет направлен в лицо, а в глазах желание убить. Желание было таким, что не только одной пуле будет дано закончить её путь, а всем, что поместились в магазине. Всё это чувствовалось без слов.

Женщина в маске без притворства улыбнулась, бросив взгляд на душу, что была сжата в дрожащих пальцах Леро. «Словно просит убить её душу...», – пришли ей холодные мысли, и глубокие глаза о чём-то вспомнили, о ком-то задумались.

Руки схватили плотно, что лежало на кресле, а ноги побежали прочь, оставив Леро одну, застывшую, не понимающую, что только что произошло...

Своё искусство, как науку, он не изучал, не знает многих терминов. И сейчас, роясь в терминологии, не мог подобрать нужного слова, чтобы описать увиденное. Искусство это огромный труд, бичевание мозга, когда творишь до тех пор, пока разум не сплавился, иссякнув на нет. Потом спишь, просыпаешься и снова творишь. Вот и весь режим, и не было в нём шанса на науку.

И новые лица не надо встречать, и изучать новые жесты, учить незнакомый язык, стараться быть для всех примером – это всё было отброшено. «Добраться до вулкана без пиара?», – спрашивал себя и отвечал, – «Почему бы и нет. Зачем он нужен, если ты один в своём искусстве и соревноваться с тобой никто не осмелится?!». Цель для кого-то и сложна, но слишком много в ней прелестей. Творишь, и никто тебя не знает, никто не запоминает твоё лицо! Не жизнь, а сказка!».

За фантазией скрывается другая сторона жизни, в ней ждут другие измерения, иные показатели.

–Много там всего, понимаешь?

–Понимаю...

Первое чудо света на что-то вдохновило, деревья выглядели особенно.

Диаметром голые стволы деревьев в семь человек на каждое, и ширина их неизменна до небес. Но, что ему до ширины, если одно удовольствие смотреть, как два великих дерева сплетали друг друга, желая обняться каждым миллиметром, хоть и не получалось у них друг до друга дотронуться.

Одно и то же расстояние от неба до земли, между ними сантиметры, и они мешали полноценности их тяги друг к другу.

Листва украшала лишь макушки, словно что-то спрятала в себе. Что-то было в этих деревьях, немного близкое художнику, но в то же время, очень далёкое. Объяснить себе не мог, что сейчас испытывал. Не такой уж он и мастер объяснений.

Деревья пробуждали в нём забытые фрагменты жизни и забытых людей. Да, каждого из нас легко забыть и за всю жизнь ни разу не вспомнить. Раз способен не вспоминать годами, значит, способен забыть навсегда. Каждый день помнить человека опасно. Врачи сочтут это болезнью.

Либо пик счастья, либо пик боли, и не сотрёшься никогда – когда-нибудь, да вспомнят...

Люди, которым, не стесняясь, рассказывал о своих пороках и тайнах, считали их следами на всю жизнь. «Да бросьте. Я знаю, как выглядят следы...», – отвечал он им, обрывая свой рассказ перед самым главным.

О главном не просто рассказать. Главное, порой, и самому не понять. Его не сочтёшь ни следом, ни пятном, ни чернилами.

Разбирал все периоды жизни на кусочки, анализировал людей, что присутствовали в каждом из них. Делал выводы о том, кто и на что влиял, кто к чему причастен и кто в чём виноват, если не обвинять во всём глупо себя. Затем пытался отсеять половину своего окружения, но отсеивались все, и

наступал новый период, в котором также появлялись новые друзья, и объявлялись очередные недоброжелатели.

Недоброжелатели не враги – это было бы слишком громко сказано, но, к сожалению, когда художник остался один в своём замкнутом мире, он анализировал их чаще, чем друзей.

Друзья остаются друзьями. Хоть десятилетие пройдёт, когда вновь с ними встретишься, жизнь друга будет интересна для ушей. Конечно, былой отваги уже не будет, но, а как же иначе – когда расстояние и время вместе, они лишь затупляют.

Продав самую дорогую в его жизни картину, он предложил двум своим друзьям из разных периодов жизни по миллиарду их не тускнеющей валюты. Один отказался, сказав, что не может такого принять, и жизнь его покатила кучбарем по всяким кочкам. Другой посчитал это не лёгкими деньгами, а даром небес за жизнь его не такую уж плохую и принял этот дар. Жизнь его теперь на зависть многим, но не художнику. Не потому что она плоха, а потому что художнику было дано всё, чтобы не завидовать. Рук теперь нет, но завидовать всем, у кого они есть, будет значит, что завидовать почти всем, а таких масштабных бед не мог себе позволить. Кто из них чаще его помнил? Это и не важно, они не должны ему за это ничего. За подарок никто быть должен не может, ведь это подарок...

Художник вручил им столько, чтобы не делать их зависи-

мыми от него в будущем, а как с этим поступить, решали они, без убеждений и повторных предложений...

Глядя на деревья, он вспомнил и моменты раннего детства. Помня детство, понимал малышом с полу слова, знал их тайны и секреты, и все слабые места, которыми не смел пользоваться.

«Зачем в углу стоять, если угол никто не охраняет?» – философия детства. Вспомнилось то неудержимое желание, когда внутри горит и так хочется всё увидеть, всё узнать и побыстрее вырасти, чтобы исполнить всё, что успел намечтать.

Вспомнил, как, однажды, рассказал родителям о том, что натворили брат или сестра. Желание было неудержимым – потом оправдывал себя тем, что так его больше будут любить, чем плохого брата или плохую сестру, но любовь не разделяет на плохих и хороших.

Вспомнил, как играл с друзьями в войну в заброшенном здании с деревяшкой в руках, и с деревяшкой было не то, но игрушечное оружие запрещено уже давно, и это оказалось верным шагом.

Воспоминаний было много, но, главное, вернулись те же ощущения, словно он снова ребёнок.

Даже первая любовь вернулась в его мысли – ну, привет, сколько зим, сколько лет. Первая любовь невинна, вторая уже нет. Не лишил невинности любовь и отпустил, потому что было за многое стыдно. Внезапно проснулась совесть перед очередным, продолжительным сном и разыграла им

свою комедию. «Любила бы не отвернулась, любила бы не вычеркнула нас, и сквозь метели ты ко мне вернулась и ни один, а миллионы раз...», – кричал он ей потом, зная, что во всём виноват сам. За пустые крики совесть не в ответе.

Если сейчас спросят его, сколько раз он любил, он ответит: «Два.», не посчитав свою первую любовь. Не потому что нечего вспомнить, а потому что в те слепые времена считал себя недостойным любви и не мог насладиться её полноценностью.

Да уж. В принципе, в это можно поверить, что в юности он был хуже и порочнее, чем сейчас. Так что, миру, можно сказать, повезло, что Арлстау не деградировал, на радость людям, на зло всем королям.

«Единственный, значимый дар, который дал мне Бог – это фантазия.», – считал художник, а во что её вкладывать, решал уже сам.

Рисовать нужно о том, что ты знаешь, что видел, что способен прочувствовать, чтобы вложить в движение кисти все эмоции, которые тебя в этот момент постигли. Рисовать нужно то, что способен придумать, приукрасить, отличить его чем-нибудь, пусть хоть все говорят, что всё избито давно, перемолото, пережёвано и отброшено яростью времени, что всему дарит собственный срок.

Ну и что?! Мир каждый день меняется, готов к переменам язык, даже изменчивы слова и суть, что в них копилась.

В юности он полюбил всё и занимался многим, пока не

сняли мировой запрет на интернет. Займись он позже всеми талантами, что были в нём, не добился бы ничего ни в одном из них. Даже между талантами стоит выбирать – с кем путь идти, а кем, просто, пользоваться. Лучше уж разбиться о стену одним талантом, имея шанс на большее, чем прогореть на всех, не имея шансов ни на что.

–А, вдруг, не угадаешь с выбором?

–Угадаешь...

Друзья идут и идут вместе свой почти общий путь, и всё у них хорошо, пока не встретят на пути обрыв, где нужно кому-то упасть, а кому-то остаться. Пока один думает, что делать, другой толкает его в спину. Также и с талантами...

Короткая жизнь, потому пролетела быстро мимо глаз, и вывод сам просился в мысли: «Столько ещё не попробовал, столько ещё не отравился». «М-да, жизнь у меня не длинна, как и волосы. Хорошо хоть, что она, пусть и обрывисто, но съедена.»

Тлеет память, но воспоминаний всё больше с каждым днём. Чем толще обернёшься в прошлое, тем тоньше вероятность заметить будущее. «Для меня это лишь моё прошлое, а для кого-то это отличная возможность осудить всю мою жизнь...», – думал художник, плюнув в эту мысль.

«Главное, чтобы жизнь не заразилась предсказуемостью! Чем ценен конец, если в нём нет ничего нового?!».

–И какой же будет вердикт?

–Наш вердикт: вы доктор...

–А кто же тогда вы?!

Перед тем, как ноги рванули поближе к деревьям, в мысль пришла Леро, «но ей в ней, видимо, не место, раз уже не помнит обо мне.». Почему Леро? Потому что эмоции подарила немонотонные, своей простотой убеждала говорить искренне, да и самому делиться с ней хотелось. Немного, но значимо.

Она не стала повторением жизни Данучи и уже не будет верною женой, потому ей не место в голове. Она лишь жертва выбора, и выбор не исправить. И если бы он мог уничтожить душу памяти, то ради Леро этого делать не станет. «Будет возможность – заново с ней познакомлюсь, как и со всеми, кто мне дорог.» ...

«Ты моё де жа вю, я вчера тебя, видимо, встретил. Без букета я шёл, но не важен тебе аромат. Я тебя не люблю, до тебя не сминаю билеты, но зачем-то сейчас мне приятно тебя вспоминать...». Понять бы ещё, почему человек вспоминается. Довольно-таки, неуместно это всё, после того, как стёр ей память о себе, но, хоть себя так легко обмануть, ему не за чем этого делать. «Буду искренне уверен всегда, что она счастлива...», – думал он, ничего не зная о будущем. Он верил, что она его забыла.

Обожаем похожих на себя людей, просто, из-за эмоций, что они нам дарят. А на генном уровне, хоть в нём никто не шарит, любим их, потому что с такими растём. Естественный отбор, порой, во всё суёт свой длинный нос.

Подошёл ближе, где уже собрались сотни туристов и десятки вспышек фотоаппаратов, помялся на месте и повторно удивился: «Странно, ожидал многотысячные очереди, где на пять секунд какой-то человек в форме разрешит потрогать деревья и отгонит прочь, а здесь не так уж и много людей, чтобы становиться очередью, и всего-то три ларька, и бабка с семечками. Всё, как у нас, хотя бабуля стала неожиданно-стью.».

Глаза, покорённые чудом, неотрывно глядели вверх, старались увидеть макушку, пока ноги художника обходили толпу и не заметили впереди идущего человека. Пока глаза делали вид, что что-то понимают, хотя душа деревьев им была не доступна, чьё-то плечо намеренно бросило вызов. «Дерзко...» – успел обдумать это художник, отлетая в сторону, надеясь, что мышечная память ног не позволит упасть.

Позволила – толкнули намеренно. Но быстро встал на ноги.

Перед ним стоял высокий мужчина – выше художника на пол головы, с чёрными, соломенными волосами и татуировками на лице. Был старше его на пару долей времени, хотя морщин не видно. «По крайней мере, он так выглядел со своей щетиной!» – ворвался в описание разъярённый художник. – «Что за чучело? Неужели, такие люди всё ещё нужны нашей планете? У него явно что-то не в порядке!».

Но это всё высокомерные эмоции, высокомерию всегда позволена ошибка.

Единственное, что настораживало порыв подраться, так это душа незнакомца. Она была похожа на наконечник стрелы, он был не острым, но не ясно – отравлен или нет. Одно лезвие ребристое, а другое, как восставшие волны. Это было мощно, от души шли незнакомые вибрации, и в них было бесконечное – словно с этого человека можно черпать и черпать, и никогда он не закончится.

–Что это?

–Не знаю.

«И я не знаю. Вряд ли ему век. Быть может, образно чувствуется его душа или что-то в этом роде. Но вечность не год, её почувствует каждый.»

–И это настораживает?

–Нет.

–А что же тогда?

Одна из татуировок была точной копией его души. «Как он это узнал?», – спросил себя художник, и в его вопросе было и восхищение, и свои резоны, ведь вот он шанс узнать, как выглядит собственная душа. На блюде поднесли, как дорогому гостю. Это одно из важных желаний его жизни – узнать правду о себе.

Художник ни разу не встречал людей, изображавших душу на своём теле, ведь никто и не задумывается о таком – для всех татуировка это рисунок. Но ведь душа это тоже рисунок. Все души визуальны разной формы и размера, есть похожие, но нет одинаковых. Похожие тянутся друг к другу

до такой степени, что, где бы ноги не прошли, похожие рядом друг с другом, а ни на кого не похожие – либо одни, либо привыкают к тому, что больше понравится.

Тысячи похожих душ могут собраться и в одном месте. Они и не заметят, а для художника будет удивительно. Души округлой формы самые часто встречаемые, и художник сомневался, что его душа похожа на бесконечный круг. Хотелось чего-то другого, более эффектного что ли, но менее волнующего.

Что касается двух других символов, то они располагались вовсе не по краям и создали своей последовательностью не мало смыслов в голове художника. На лбу был символ, похожий на вопрос или на птицу; а под глазом это либо крест, либо перекрёсток. «Скорее всего, перекрёсток – в этом случае смыслов было бы больше.». Тем более, на подбородке те же символы, только меньше размером, расположены в обратной последовательности. «Есть и в этом что-то...».

Дважды изображена душа – на щеке и под губами.

Татуировки на лице не сказать, что исключительная редкость для их времени. Обычно, они уродуют, но лицо Иллиана они красили.

Незнакомец не злился, и хоть лицо было суровым, в душе он улыбался. Для него это было весело. «Захотелось толкнуть и толкнул. Оправдываться что ли должен перед этим чудиком? Да, я такой человек. Скучно мне бывает...».

–Глаза! Где твои глаза? – начал незнакомец щёлкая паль-

цами перед лицом художника, но продолжать не спешил.

Он улыбался, делая это, и всё встало на свои места. «Ему, просто, скучно.», – догадался художник. Задел, чтобы обратили внимание – и не важно толкнуть бродягу в яму или балерину на концерте.

Взглянул внимательнее. Когда-то этот человек был совершенно другим, а стал таким, каким сейчас стоит перед художником.

Первое, что бросилось в глаза так это гнев. Гневом он всего добился и, наверное, всё потерял.

Ещё кем-то, а, возможно, и собой в него заложена месть. Она неизменного количества, на уровне инстинкта, ярко прорисована в зрачках – но это нормально, это по-людски. Ещё он, явно, обожал отказывать людям, ему доставляло эстетское удовольствие простое слово «Нет», с этим словом увереннее чувствовал себя. «Чем больше в жизни скажешь «нет», тем будешь ты сильнее!» – девиз такого человека. Хорошо, что художник ничего просить у него не собирался.

Человек потерял себя, в него не заложена истина. В нём нет высоких чувств, моральных правил. Может, живёт не своей жизнью, а, может, и своей, но слишком много допустил ошибок, что жизнь чужою мыслью проросла.

Да уж, а говорят, что творческие люди – отдалённые от реальности, но на деле всё оказывается наоборот – к реальности они ближе других, потому что не следуют за чьими-то правилами, а создают свои.

Сейчас его взгляд упал на руки художника, осознал свою ошибку, но не знал, как поступить – это далеко от его реальности.

На лице объявилась совесть и принялась грызть все ненужные черты, смягчая их и балуя. Выражение на лице замерло и плавно становилось непроницаемым. Сожаление было, но не было жалости, и это радовало.

Ни один актёр не способен сыграть совесть, пока сам её не призовет. Этот человек сыграл, даже не призывая – но художник не заметил.

Перед ним мужчина, рождённый обманом, при чём, во всех смыслах этой фразы. Не вкусишь ложь – не проживёшь. Окутан какой-то самому неизвестной загадочностью, которая не дарит значимых ответов, лишь создаёт ненужные вопросы.

Серые, замученные глаза; растрёпанные волосы, которые красила длина, а не ухоженность; открытый лоб, чтоб оголить верхний символ, показав всем, что он этой птицей гордится; щетина, что не в силах скрыть символы его подбородка, благородные скулы. Одет в неординарное тряпье – что-то похожее на тёмно-синий парадный костюм забытых веков, а на ногах были белые кеды.

Этому человеку, явно, легче без дома, и художник впервые ощутил, что и ему тоже. «Зачем тьма мне, если она повсюду в четырёх стенах? Зачем мне свет, раз над головою солнце? Видимо, чтоб было больше...».

–А я уже представлял как избиваю тебя одними ногами, – ответил, шутя, Арлстау, не дав возможности тому извиниться.

Нет смысла отвечать дерзостью, если не способен дать боя. Дерзость не может прикрываться немощностью.

Арлстау же битву дать способен, и хищные инстинкты, и чувство опасности ему нравились, были по вкусу. Однако, всё вокруг и внутри было не местом для боя и жестоких эмоций.

–Мечтай, – усмехнулся тот в ответ, протягивая руку, несмотря на то, что у Арлстау её нет.

Давно ему не протягивали руки. Все здоровались либо объятиями, либо на расстоянии, словно боясь напомнить о незабываемом.

Пожал твёрдую руку, как смог, не почувствовав ничего.

Кому-то могло бы показаться, что перед художником типичный, несерьёзный человек. Какой бы серьёзный вопрос не задай ему, он всегда ответит несерьёзно. Своих переживаний таким людям не подарить. Какая беда у него не случись, он всегда шутит, как ни в чём не бывало, и мало кому узнать, как выглядит его лицо, покрытое печалью. Но нет, он не такой, хотя Арлстау уважал таких, потому что в них нет жалости, и они говорят с тобой так, как ты того заслуживаешь, а не играют словами, потому что им тебя жаль.

–Приехал взглянуть на чудо?

–Нет, хочу нарисовать его, – зачем-то не скрыл правды

художник.

– Да вы юморист, – улыбнулся незнакомец одной половиной лица, показав, что ухмылка – его выбор.

Ещё раз бросил странный взгляд на искусственные руки художника и ушёл, не попрощавшись и не представившись. Всё приходит вовремя и уходит тоже.

Такие люди сопровождают насмешками любые повороты судьбы. Глаза не выдают их, хоть прояви любую изощрённость, осыпая неудобством вопросов.

Чудо чудом, а место постепенно превращалось в помойку, ведь поток туристов был бесконечным, хоть и не брал это место количеством. Говорят, что у людей часто что-то происходило, как только собирались посетить холодную страну и дотронуться до деревьев, что дотянулись до небес – и перед дорогой, и во время дороги и после...

Бесплатное чудо намного привлекательнее чуда, за которое нужно платить. Деньги – это неотъемлемая часть жадности. Жадность без денег, как король без короны. Чем больше денег, тем больше хочется бесплатного – это самое важное доказательство того, что у монет есть своя магия, и эта магия сильнее любого человека, попытавшегося покорить её. Но здесь дело не в жадности. Уж от неё мир почти избавился и сразу стал почти красочным, начали думать не только о своём, но и о том, что вокруг.

У ближайшего торгаша купил ананасовый сок, воды для творчества и два пирожка. Потом помялся и купил у бабуш-

ки семечек, оставив ей сдачу, а она подумала: «Как же он их будет грызть?». Ответа на свой вопрос не узрела любопытными глазами – художник скрылся за спинами, где порадовал семечками стаю воробьёв.

Сам отобедал в кругу птиц, обделённых гордостью и начал искать удобное место для сотворения очередного шедевра. Столпотворение не мешало ему, ведь не один человек не способен заслонить собой такие деревья. При людях рисовать не очень-то хотелось – опыт был неудачным, но теперь художник защищён душой памяти, и это многое меняло, открывая новые горизонты для творчества...

Арлстау извлёк аккуратный мольберт из баула и, не спеша, установил его на невысокий холмик. Присел в ожидании стремящегося вечера, глаза на толпу, то сталкиваясь, то отталкиваясь от каких-то взглядов и не думал о них, думал о тех, что далеко.

Дерзкий незнакомец наблюдал в сторонке, прислонившись широкой спиной к маленькому, но пышному деревцу. Он крутил в руках массивную, серебряную зажигалку и размышлял над этим человеком. Конечно, ему было любопытно, как этот «шутник» будет рисовать. Был поглощён уверенностью, что вдохнуть жизнь в полотно способны лишь живые руки, а не искусственные. Уж кто-кто, но он дожждётся первых прикосновений кисти, любил глазеть на новизну.

Часы тянулись, солнце близилось к закату, а народа становилось лишь больше. Теперь уже, не только незнакомец ожи-

дал, когда художник приступит к своему искусству. Больше сотни взглядов глазели на него, а ноги не бесстрашно отступили на несколько шагов. Художник, словно был на арене, где лишь от него чего-то ждут.

Уйти было бы глупо. Зачем тогда творить, если уходишь, не дождавшись чуда?! Арлстау прочувствовал, что от него ждут, но вынужден не оправдать все ожидания. «Смотрите, раз собрались здесь неслучайно. Хоть не запомните лица, но не лицом вас всех я буду радовать, ведь то, что на поверхности не создано для вас!».

«Буду творить, когда захочу и никого не услышу и не послушаю!».

Встал на колени, эмоций было много. Все прежние переживания возобновили свою боль. Леро, как будто резала плечо кинжалом, а близкие просили не забыть и вспомнить то, ради чего придётся жить и улететь вперёд, не оглянувшись.

В чистом небе появились тучи, как только кисть оказалась в руках художника. Души деревьев так и не увидел, она летала выше его глаз. «Быть может, спряталась в макушке или уж слишком велика...».

Доверился губам, а не глазам, в которых был разочарован. Ткнул кистью в полотно так неаккуратно, словно уже позабыл вчерашние навыки. «Деревья тянулись к небу независимо, раз ни разу друг к другу не притронулись. Как понять их жизнь?», – думал он, нарисовав пятно на полотне.

Пробил час нервозности, и тело задрожало, а уши слуша-

ли восторженные вздохи, что доносились не так уж позади. Настроение попеременно, с преобладанием беспокойства и эйфории.

Закрытые глаза не имели возможности увидеть, чью душу рисует, кому или чему она принадлежит. Рисовал почти уверенно, но не ведал что, прекрасно понимая, что получается не то, чего он желал ещё минуту назад. Это ново, можно растянуть и для себя час загадки, не обязательно интриговать других.

Тучи набегали – народ паниковал. Им уже всё вокруг не казалось весельем, забавой и чудом. Всё насторожило, всё напрягло их ожидание.

Художник слышал панику, но не желал открывать своих глаз, пока не закончит, хоть и мог себе такое позволить, но интрига была слишком захватывающей и драгоценной.

Растянул своё удовольствие и открыл отдохнувшие глаза лишь, когда первая капля дождя коснулась лица. Душа была нарисована, вновь потребовалось немного времени – видимо, опыт, а то, что позади – это лишь необходимое подаяние.

Улыбка растянулась по лицу, и ровные зубы показали, что они есть. Гордость и удовольствие проникли в сердце и заставили его возвышенно стучать.

Душа напоминала огромную стаю диких волков. Но на полотне изображены не голодные волки, а беззащитные деревья. Кисть посчитала, что душа двух деревьев, что дотронулись небес, не так уж и важна – важнее было место, в кото-

ром два дерева решили начать и закончить свою жизнь.

Эйфория художника иссякла, когда гром прорезал небеса, затрещал, как от удара молота, и дождь полил ручьём. Всё бы ничего, но на небе не осталось ни тучки, и дождь уже был невозможен, но всё же он пошёл.

Испуганные взгляды всех людей рванули к небесам, будто надеялись найти хоть одну маленькую тучку, а душа беззащитного леса заметалась по полотну, заколыхалась, пытаясь найти выход, но полотно для души, как для человека лабиринт. Она менялась на глазах и всё ещё сияла, но уже не так. Новый свет не был вкусным, он был горьким и на вкус, и на свой аромат.

Впервые художник ощутил страх перед своим талантом, да и то ещё было не время.

Ещё миг, и деревья заплакали. Зарыдали, затянули всю боль под чужую мелодию. Сначала тихо и осторожно, как люди, а потом завыли, не стесняясь ничего, как раненые звери, как голодные волки. Их вой был невыносим для слуха, сводил с ума, внушал пустые мысли. Люди падали на колени и закрывали уши, вдавливая в них ладони, но деревья лишь громче рыдали, заставляя людей не падать, а бежать.

Арлстау внимательно вглядывался в каждое дерево, что было доступно взгляду, и, действительно, видел в них лица и слёзы. Все деревья рыдали, кроме тех двух – тем было не о чем плакать.

За несколько минут не осталось никого, кроме художника

и загадочного незнакомца. Все запрыгнули в автомобили и экскурсионные автобусы, и, как ошпаренные, покинули лес с большим желанием в него не возвращаться. Даже торгаши бросили всё и сбежали, не желая узнать, что же будет дальше.

А дальше наступила тишина. Деревья прекратили вой, а незнакомец с бесстрашным интересом вникал в лицо художника, который стыдливо прятал взгляд, словно чувствовал себя виноватым.

—Объясни, что это сейчас было или повтори пожалуйста, — воскликнул изумлённый незнакомец, выдавив из себя смешок, но тут же добавил. — Я шучу на счёт повторить.

Не дождавшись никакого ответа от не менее изумлённого художника, он выбрал иной путь:

—Знаешь, я застал рождение этих деревьев и считал это единственным чудом Земли, но что я вижу? — спросил он, восторженно взмахнув рукой в сторону полотна. — Что это за Божественное творение? Если бы это, всего лишь, приснилось, то я также бы видел весь мир. Но я не сплю, и мир, как раньше, видеть не осмелюсь! Так ответь же мне, художник, что это? Как называется твоё творение и почему оно влияет на весь мир?

Лесть всегда была в моде, но ею не очаровывают, хотя улыбка художника выдавала, что он испытывает удовольствие от лесты.

—Почему вы решили, что оно божественно? — ответил художник вопросом, его смутило это слово, ведь только что он

распугал людей, изгнал их из Святых земель.

– Потому что сияет...

– Это душа Беззащитного леса.

– Душа? – переспросил он так, словно не поверил.

– Да душа, разве не похожа?

– Похожа, – соврал он и спросил. – То есть, у каждого дерева есть душа и у леса тоже?

– И у каждого здания, и у каждого города есть душа, есть своя история.

– А как выглядит моя?

– Я думал, ты знаешь, – разочарованно ответил художник и удивил незнакомца не только ответом, но и разочарованием.

– Откуда я могу знать? – вспыхнул он, но интерес в нём лишь разгорячился, ведь никогда и не задумывался, как выглядит собственная душа.

«Неожиданно.», – продолжил разочаровываться Арлстау.

– Нижнее тату на щеке, твоя душа – кончик стрелы, – спокойно ответил он и намеренно сделал вид, что собирается уходить.

Казалось, ответом сразил с ног, но незнакомец не падал, лишь лихорадочно о чём-то размышлял.

– Куда же ты?

– Пока не знаю.

– Сначала узнай, а потом собирайся.

– Я хочу узнать, как выглядит моя душа! – зачем-то решил

поделиться сокровенным художник.

Снова пауза, незнакомец вновь о чём-то думал.

–То есть, видишь душу всего, но до своей глаза не достают?

–Так и есть.

–Думаю, нам по пути.

–С чего это?

–Это не татуировки, – интригующе начал он.

–А что же это?

–Я таким родился.

–Интересно...

Он и правда задел художника за живое, раскрыл один замок.

–Всю жизнь думал, что они значат, но о душе, даже мысли не пришло! Эти символы я встретил лишь в одном месте, хотя обошёл весь мир. Возможно, оно даст тебе ответ, как выглядит твоя душа...

Художник молчал, доверить свою жизнь бродяге считал глупостью, и перед ним бродяга, что не глуп.

–Ты хоть понимаешь, что ты наделал? – воскликнул незнакомец. – Рядом с первым чудом света сотворить такое! Выбрал же ты место! Тебя ведь весь мир будет искать!

–Не будет. Я позаботился об этом...

Незнакомца ответ озадачил и насторожил, заставил отступить на шаг и замолчать. Арлстау этого не заметил, сейчас он видел в нём, что он не умеет быть благодарным, что не

стыдится своих мыслей и грехов и во всём себя считает правым. «Стоит ли путешествовать с таким человеком или он – роковая ошибка?»».

Что ещё можно сказать о человеке с перепачканным лицом?! Не знал он, как стучать, чтоб достучаться; не знал великих, кого также величал; не знал простивших, что посмели попроситься; не знал он берег, где единственный причал. Да и сам он сплошная неизвестность, и неизвестно что он может принести...

–Знаешь, что обидно? – спросил незнакомец.

–Что?

–Тебе столько людей будет зла желать, и это всегда будет не взаимно. Ты никогда в ответ им зла не пожелаешь!

–И это для тебя обидно?

–Для меня да! – интригуяще воскликнул он и вздохнул. – Эх, душа!! Да, что ты знаешь о душе?!

Так сказал, будто знал о ней всё, и художник ответил:

–Согласен, я поеду с тобой!

Всего-то слово, всего лишь эмоция.

–Моё имя Иллиан. – сказал он, ударив на первый слог, хотя звучит имя иначе.

–Арлстау...

–Подожди минутку, Арлстау.

Через минуту подошёл свой почти неприметный, спортивный электромобиль тёмно-синего цвета, с шестью тонкими белыми полосами на капоте, крыше и багажнике.

Затем поспешил примкнуть к мародёрству. В ларьках, что минутами ранее принадлежали торгашам, он набрал несколько пакетов еды, упаковку газировки, но денег не взял, хоть и художник думал иначе.

– У меня есть деньги, – крикнул ему на это художник.

– У меня тоже, – ответил Иллиан, но про себя добавил. – То, что брошено – ничьё!

– Не считайте чужих денег, и свои не пропадут, – с улыбкой уколол художник.

– Почему на вы?

– Так лучше звучит.

Не стал объяснять художнику, что ехать далеко и светить свои лица в магазинах не стоит. Молча, хлопнул багажником, молча уселся за руль. Художник сел на единственное, оставшееся место и, судя по выражению лица, ни капли не судил нового знакомого, понимая, что у каждого своя жизнь, но чужие правила. Не каждому деньги и еда падают с небес, не ему судить их.

– Машина тоже краденая? – однако, осмелился спросить он без упрёка.

– Да, – замедлил с ответом Иллиан, не ожидавший неудобного вопроса, – но я украл её давно. Она уже моя, и проблем с ней не будет. Тебя, я вижу, ничем не смутить?

– Чем рискованней шага, тем приятнее любой результат, – пробубнил в ответ Арлстау, купаясь взглядом в двух деревьях и мысленно прощаясь с ними. – Лёгкие пути эмоций не

приносят и долго не живут.

– Это точно, – согласился Иллиан и тут же добавил, заметив полотно, прислонённое к одному из двух деревьев. – Почему ты не взял нарисованную душу?

Он глядел на полотно с жгучей жадностью, не веря глазам, что художник так легко расстался с детищем. Счёл это ошибкой, но переубеждать не собирался.

– Потому что её место – здесь...

Машина тронулась с места и поспешила выбраться из леса, который неустанно рыдал, даря коре всю горечь мокрых слёз. Художник чувствовал, что больше сюда не вернётся, что нет пути ему назад. Назад идут лишь против ветра, где ветер – ангелы, что нас оберегают.

Деревья стали священным местом, а он всех прогнал из него. Всех! Значит, и ему здесь не место.

Размышляя о своём поступке, он наткнулся на вопрос, о котором раньше даже не желал думать. Вопрос не даст покоя, пока не сорвёшь его с уст.

– Иллиан...

– Что?

– Ты ведь застал рождение деревьев...

– Да...

– Значит, ты должен помнить точное время, когда они выросли...

– Должен...

– Это было в полдень?

– Да, – восторженно ответил он, ожидая продолжения заинтересованности художника, но она не последовала за его ожиданиями.

Художник повернулся к окну, по которому барабанил дождь и попытался заснуть, почему-то надеясь, что во сне он узнает ответ, почему два дерева родились в тот момент, когда он потерял руки – или же, всё было с точностью, да наоборот...

Глава 4

Купола не для взглядов...

На что смотреть нам можно, а на что нельзя? Вопрос не к Богу и не к проповеднику! Кто-то видит только купола, кто-то к вечности спускает якоря, кто-то не дожил до понедельника...

До глубокой ночи автомобиль вёз их по извилистым, разрушенным дорогам, по еле дышащим мостам, пропуская повороты, не замечая остановок.

Иллиан успел рассказать художнику обрывки своей жизни и некоторые причины своей бродячей сущности, среди которых было нежелание мириться. Только вот, с чем – осталось загадкой для догадок.

Арлстау же больше говорил о своей семье, чем о себе и своём таланте. Ничего важнее семьи для него не было, и, что бы он не делал в жизни, всё было ради семьи. Всё, кроме его путешествия.

Когда же речь заходила о его личности, он больше говорил о борьбе, что полыхает в эпицентре его души. Для Арлстау и талант – это борьба между тьмой и светом, где творения либо вдохновляют людей, либо калечат и убивают. Свой дар он относил к свету, но хорошим человеком себя не считал, потому что согрешил в этой жизни сполна и ещё не за всё расплатился, не на все слова и вопросы ответил. Прав был не во всём, многое из сказанного было далеко от идеала...

Грех начинается в детстве, когда неосознанно причиняешь боль своим братьям меньшим, то есть живности. В юности неосознанно причиняешь боль себе подобным, а в зрелости уже всё понимаешь, расплачиваешься за детство и юность, и продолжаешь грешить, но уже осознанно, оправдывая себя безвыходностью или отсутствием выбора.

–О чём мечтал в детстве? – спросил Иллиан.

–Обо всём, что нравилось.

–Я тоже. Рос в чёрством, маленьком городе, вдали от всего и всех, словно спрятанный. Один выход: сбежать, но не бежал. Мечтал посадить сотни видов красивых деревьев, чтобы было красиво гулять. Не люблю пустоту и унылые лица людей...

–Я слышал уже о подобном, но это было лет восемьдесят назад.

–Надо же.

–Читал статью про человека, который украсил свой город тысячу деревьев и цветов, но особенное внимание уделил

алому клёну.

–Почему?

–Никто не знает.

–Как так? – не на шутку удивился Иллиан.

–Видимо, этот человек, как и ты, был, просто, спрятанным. Никто его не видел и не знает.

–И фотографий его нет?

–Вообще ничего нет.

–Видимо, сделав добро, решил остаться неизвестным...

–Он тоже художник, раз так разрисовал город...

–Думаешь?

–Даже, можно сказать – архитектор.

–Знал я одного художника... – начал историю Иллиан, но дождался вопроса Арлстау.

–Какого?

–Хорошего.

–Повлиял на него?

–Да.

–Расскажи...

–Он был самым добрым человеком из всех, что я встречал на пути. Даже не слишком жестокие дети не окажутся чище него. Ни мухи не обидит, ни слона, но рисовал он почему-то лишь чудовищ...

–И что ты сделал?

–Я говорил ему каждый день, что он ужасный человек, раз рисует монстров, и ничего более создать не способен, что та-

лант его ничтожен, раз в этом лишь он заключён, что кисть его скудна и безнадёжна! Всё говорилось в шутку, но жестоко. В силу своей наивности воспринимал каждое слово близко, макал его в сердце и со всей серьёзностью переваривал. Ему было больно и обидно слышать такое, да и мне не по себе произносить такие слова, ведь он добрейший человек, а я-то кто?! Через месяц он нарисовал мой портрет. Вот он, кстати...

Он извлёк портрет из грудного кармана и протянул художнику. Листок был изношен, потёрт и не чист, но, видимо, дорог, раз сохранил.

— Не похож, — ответил честно Арлстау.

— Знаю, зато это было началом его нового творческого пути. Он начал рисовать портреты и разучился создавать монстров...

«Любопытно. Не просто так же он поведал мне, что единственный художник, с которым он знаком, был самым добрым человеком из всех, кого он встретил...» ...

Когда Иллиан спросил художника, присутствовала ли в его жизни настоящая, огромная любовь, они уже успели расположиться у костра, жарили давно сваренное мясо и думали больше о пустом желудке, чем о сердце, заполненном любовью.

У каждого своё на душе, помимо любви. Так часто она занимает всего лишь сотую часть сердца, а ещё чаще тысячную. Не встречал он тех, в ком любовь плыла вечно и ни от

какого айсберга не затонула.

–А у тебя? – ответил художник вопросом.

–Барьеры, ловушки, насмешки, смешки придумал против неё, потому она меня, как овраг, как врага стороной обходила. Путь к любви был заморожен. Страсть и безумие стали моим выбором. Жаль, что и они всегда временны – так устроен мир. В зеркалах только видел кумира, угасала в ладошках любовь. Не понимаю, как люди женятся. Всё ведь временно и живут потом, не хотя...

–Как понять, не хотя?

–Для себя ничего не творят.

–Зачем тогда тебе любовь других? – с непониманием в лице спросил художник.

–Имею шанс почувствовать её, пусть и на жалкое мгновение, когда слушаю чьи-то рассказы о ней...

–Много услышал?

–Много.

Художник не горел желанием говорить о своей любви какому-то незнакомцу, который, судя по хитрости глаз, испытал уже многих. Сейчас он был искренен, но раз способен править эмоциями, значит, правит и людьми.

«Моя любовь это личное, также, как и моя ненависть...». Решил рассказать ему одну историю, потёртую стрелками часов – его часов, а не всего мира.

–Корабль потерпел крушение, – начал Арлстау, взяв ноты, как обычно, выше и остановился, будто забыл, что было

дальше, но, совершив глоток горячего чая, сделал такое лицо, словно только что пережил эту историю и продолжил. – Капитан не заметил два айсберга, между ними нет шанса проплыть. Море было холодным и цепким, затащило в себя многих и шансов выжить, казалось бы, не было, но на одной льдине плыли двое и ждали своего спасения. Да, их осталось только двое из всех пассажиров корабля, никто не зацепился за лёд. Мужчина был переохлаждён и больно ранен. Уже умирал, замерзая от холода, не дожидаясь надежд на спасение. Лежал на тёплых руках своей любимой женщины, которую минутами ранее сам спас от мокрой участи Ледяного моря.

Вместо слов о любви и последней надежде, он во всём признавался и каялся. Все слова между строк улетели, и их не поймать, не зацепиться за солнце метелью; взгляд лишь в глаза, но друг друга уже не узнать.

Шептал ей, дрожа и стуча зубами, что предавал её; изменял ей, ради похоти; не ценил, когда та была рядом; не уважал, когда была далеко; не делил все мечты; не доверял переживания; но любил, бесконечно любил. Слова о любви были в конце, но звучали значимо. Не понимал, почему во всём ей признаётся, почему выворачивает секреты наизнанку. Тем более, сейчас, когда смерть подкралась настолько близко, что осмелилась об этом кричать. От каждого признания слёзы бежали ручьём, хотя раньше он и не знал, что такое – плакать. Слёзы согревали каждую частицу его тела и не

позволяли окончательно примёрзнуть ко льдине, а жена начала его на руках, как дитя, и шептала: «Терпи, мой родной. Ты только терпи! Не останавливай признаний. Твоя искренность мне греет душу, твои слёзы заставляют простить!» ...

Однако, сам художник остановил свой рассказ и с грустью взглянул на костёр, яростно размышляя о том, почему же он сам не был достоин подобной любви, почему же он сам не сумел также полюбить кого-то. Но Иллиану было слишком интересно, чем закончится эта история, потому разогнал все переживания художника щелчками пальцев.

–И, – заголосил он. –Что дальше то? Чем закончилось всё? Их спасли?

–Мужчина очнулся в каюте, в окружении врачей и стал настаивать, чтобы его отвели к жене. Врачи игнорировали просьбу, ничего не говорили об этом, лишь прятали глаза. Капитан корабля пришёл в его каюту, когда тот уже кричал во всё горло: «Где моя жена? Верните мне её!». Капитан не стал мешкать и комкать игру слов, признался ему, что он единственный выживший пассажир, и ни одна душа, кроме него в Ледяном море не выжила. «Не лгите мне! Не лгите! Мы плыли на льдине вдвоём!», – рыдал ему в лицо мужчина, но капитан был спокоен, как монумент. «На льдине ты был один, а жену твою нашли в обломках корабля ещё за час до того, как нашли тебя...», – ответил ему он и ушёл, оставив наедине со своими эмоциями и со своей новой жизнью...

–Вот это да! – изумлённо воскликнул Иллиан и вскочил

на ноги. – То есть, он был спасён не любовью, а покаянием?

– Это уже тебе решать, – улыбнулся художник. – У каждой истории свой конец, и не всегда вся суть в конце.

– А ты не такой слабак, каким по началу казался.

Жёстко. Художнику даже было обидно, хотя для Иллиана эти слова, как комплимент.

– Потому что рассказал историю? – не скрыв обиды, спросил Арлстау.

– Потому что она сильна...

Их пир был окончен, костёр потушен, и каждый стремился занять своё место.

В распоряжении палатка и спальник. Иллиан предложил художнику выбрать, и он выбрал палатку.

– Боишься волков?

– В спальнике теплее, но мне необходимы стены...

У Иллиана всё при себе для путешествия, дорога – его дом, ветер – его чувства. «Он точно от чего-то бежит, а я другой, а я кого-то догоняю...». – возвышал себя в мыслях художник, укладываясь поудобнее.

Тишина ночи уместна, если ты скован четырьмя стенами, а ночь за окнами прославил покой, но сейчас ночь живая, много шума, незнакомого гама.

Долго не мог заснуть, слушая пение сверчков и храп по соседству. Пришлось поразмышлять о своём будущем – о том, что принесёт ему его талант; что этот же талант отнимет; что ждёт его впереди за непроглядным временем; и, что

случится с его жизнью, если он осмелится переступить свою же черту. Ответы сами приходили, как меняющиеся картинки диафильма, но они, скорее, были творениями фантазии художника, чем подмастерьями истины.

Душу луны взял с собой в свои покои, не позволил промёрзнуть в ночи. Луна для него особенна, хоть и не дорисована. Без неё он бы не смог – вот и весь ответ. «Ты мой одуванчик, я твой алый клён, берегу до завтрашней затеи твой такой хрустальный и волшебный сон! Ты моё большое вдохновение!».

От всех причин вдохновения отвлёк внутренний голос, что заполнился тревогой и тоской. Спина почуяла взгляд, и голова художника резко повернулась, не прогадав в своём движении.

На стенке палатки чернела чья-то тень и наблюдала за ним. Напугала до смерти так, что художнику почудилось, что сама смерть пришла за ним! Знал бы он, насколько ошибался. Судя по размеру, тень принадлежала ребёнку. Мальчик подкрался к нему, как шакал в поисках пищи, потому остался незамеченным до этого момента.

Тень двинулась ко входу, и палатка зашуршала под натиском юных рук. Художник не растерялся и щёлкнул фонариком, осветив лицо гостя.

Перед ним стоял мальчик лет двенадцати, не больше и бесстрашно глядел в свет фонаря. Мальчик был каким-то потерянным, грустным, словно бездомный, словно обездолен-

ный, каким и стал художник.

Всё это было похоже на страшное кино прежнего тысячелетия. Мурашки не заставили себя ждать, осыпав всё тело художника. Мальчик внимательно наблюдал за ним, и, казалось, свет фонаря совсем не беспокоил фокус его глаз.

– Кто ты такой? – наконец, осмелился спросить изумлённый Арлстау, но смелости в звучании вопроса не было.

– Я хочу, чтобы ты отказался от своего дара, – размеренно ответил мальчик красивым, мужским голосом, не соответствующим его юности и погрузил свои глаза во взгляд художника.

«Серьёзное заявление...», – подумал Арлстау, приходя в себя и разгоняя остатки трусости.

– И остаться ни с чем? – ответил почти смело.

– Как это ни с чем?! Для вкусной жизни тебе дано не мало талантов.

– Они все скудны и немощны, да и не близка мне вкусная жизнь.

– Понимаю, – промолвил задумчиво мальчик. – Рисовать души – несравнимое удовольствие, но как же твоя семья? Почему ты лишил её себя?

– Это не твоё дело, – резко ответил художник, внезапно занервничав от голой правды.

Показалось, что мальчик видел его насквозь, тревожил невинными пальцами его душу.

– Почему не моё? Ты ведь не знаешь, кто я. Считаешь себя

особенным, художник?

– Не был бы особенным, ты бы ко мне не явился. Кто бы ты ни был, я не вижу твоей души, я не знаю, кто ты, и дар свой отдавать тебе не собираюсь.

– Сила и власть могут создать чудовище в каждом из нас. Не так ли, Арлстау? – не унимался мальчик, сжимая в тиски художника

– Кто ты? – повторил свой первый вопрос всей своей допустимой резкостью, а у самого вновь душа уходила в пятки, чувствуя свою ничтожность перед этим загадочным мальчишкой. – Ответь мне, кто ты?

– Я друг, тебе не стоит меня бояться, – ответил тот с излишней благородностью. – Я всего лишь пришёл поговорить с тобой, поразмыслить о будущем.

– Раз не можешь сказать, кто ты, то, как смеешь выпрашивать дар?! Ответь тогда уж – для чего живёшь?

– Хитрец, – улыбнулся малец. – Мой взгляд в ответе за верхнюю часть мира. В ней не чувствую себя взаперти, ради неё и живу.

– Громко! А за нижнюю чей ответственен взгляд?

– Его голос ты слышал, перед тем, как покинул свой дом.

Заинтриговал художника мальчишка. «Как теперь я буду спать, раз не знаю, кем они могут быть и для чего они мне? Кто из них напоминает ангела, кто из них похож на беса?».

– Значит, вы, как бы противоположности?! Один просит, чтоб не отдавал дар, другой просит отдать. Больше похоже

на игру, чем на жизнь! О чём поговорить то хотел?

– Не становись чудовищем!

– Не стану я никаким чудовищем! – вспыхнул художник.

Он хотел вскочить на ноги, но какая-то сила сдерживала его прыть и мешала разогнать эмоции до предела. Ситуация, да и сам мальчик заставляли художника бояться.

– Если свет, что окружает тебя, приносит только тьму, то попытайся найти свой собственный свет в этой тьме, – загадочно произнёс малец.

– Зачем ты мне это говоришь?

– Знаешь, какими были вампиры, пока их не истребили? – проигнорировал он вопрос художника, наблюдая за комаром, летающем над светом фонаря.

– Нет, не знаю. Я и не знал, что вампиры, действительно, были.

– Вампиры были обычными людьми, и не были они бессмертными, как всем внушали. Они выходили на охоту ночью, потому что боялись быть замеченными, боялись быть схваченными, и пили кровь беззащитных людей, а не сильных, считая, что это придаст им какой-то значимости. Вампиры заблуждались в каждом своём деянии – ни сил, ни бессмертия они не получили. Ещё бы, терзающие души жили вечно. Они вонзали зубы, вырывали куски тела. От этого, конечно, чаще умирают, но не всегда. Порою, выживешь, когда не нужно, и жизнь твоя бесконечно сломана, ведь весь свой дальнейший путь оборачиваешься, каждую секунду боишь-

ся чего-то, и ты не дойдёшь, пока не пересилишь свой страх. А дойти – это самое значимое.

–И что же стало с вампирами? – с интересом спросил Арлстау.

–Они, как мода – появились и исчезли. Их всех уничтожили, а перед смертью их тела превращались в стаи комаров – и это единственное волшебство, которого они добились для себя.

–Так появились комары? – съязвил художник, не поверив в конец истории.

–Так они начали пить кровь человека.

–Зачем мне нужно знать эту историю?

«Думаешь, рассказал мне, довольно-таки, смазанную сказку и можешь снова просить дар? И не мечтай, малыш!», – думал про себя художник, задавая свой вопрос.

–Люди, как насекомые, и больше всех нас раздражают кровопийцы. Они лезут и лезут в лицо, и всегда желают уку-ситься. Видишь ли, подобных вампирам множество среди лю-дей, и каждый в итоге будет похож на писк комара. Прошу тебя, не стань таким! Тебе уже давно пора решить на чьей ты стороне – света или тьмы, а ты всё медлишь, а ты всё мечта-ешь о том, что не твоё! Ради чего ты выбрал этот путь? Ра-ди себя, ради семьи или человечества? Подумай над этим и скажешь мне потом, готов ли ты отдать свой дар и ради чего способен это сделать?!

Мальчишка растворился в воздухе после сказанных, бо-

лезненных слов, но перед этим щёлкнул пальцами, и художник заснул, как младенец, погрузившись в царство пророческого сна, в котором не сыскать ответы на все услышанные вопросы, но есть возможность подумать обо всём. На утро он, возможно, решит, что это, просто, был сон – и мальчишка, и океан. Но поверит ли в своё решение?!

Круглые сутки включённый телевизор для Леро в скором времени станет обычным делом, ведь в её сегодняшнее утро СМИ промывали кости лишь её художнику. Слова были не те и восприятие содеянного было не то. Не то, чего заслуживал, но, всё же, говорили лишь о нём.

«Сегодня наш специальный корреспондент прибыл на место, возможно, самого значимого события этого века, чтобы убедиться – правда ли то, что говорят люди, посетившие вчерашним вечером гордость нашего государства – первое и, возможно, не последнее чудо света.

На дворе особенный год, и никто из нас не знает, проснётся ли завтра. Мы ждём конец, но никак не можем дождаться. Вся наша философия заключена в ожидании. Возможно, этим мы теряем всё, но приобретаем большее.

Больше года назад два дерева, чьи корни, по мнению учёных, начинаются в ядре, повергли мир в раздумья. Что будет дальше? Какой знак они пытаются нам донести? И знак ли

это?

Вчерашний вечер показал, что знак.

По словам очевидцев, героем вчерашнего чуда стал безрукий художник. Он несколько часов готовился создать шедевр, сидя в двадцати шагах от первого чуда света, но не решался под взглядами толпы. Людям не было интересно, что он нарисует, им всего лишь хотелось узнать, как он будет рисовать, не имея рук.

Рисовать художник начал губами, но это собравшихся уже не волновало, потому что, как только он дотронулся кисти, в чистом небе появились чёрные тучи и загремели раскаты грома.

Вёл кистью по полотну, и на нём появлялись серебристые пятна, а по краям неизвестные символы летели сверху вниз бегущей строкой. Пятна сияли, как звёзды, а потом угасали, как закат и снова вспыхивали, подобно утреннему солнцу. Свет их был неизвестен для глаз и подарил им неотрывность, но ничего высокого им не поведал, глубинного не преподнёс.

Разум был ослеплён, потому показания свидетелей так отличительны, но у нескольких, всё же, схожи. Именно на их слова мы и опираемся, ведь они утверждают немыслимое для нашего воображения – что художник рисовал не портрет, не картину, а самую настоящую душу, душу Беззащитного леса, потому лес и ожил, когда творение свершилось. Лес воскрес и зарыдал, и прогнал непрошенных гостей.

Год назад деревья, а теперь художник...

Но, вы серьёзно? Душа леса? Я даже не верю, что у дерева она есть! Что может быть общего между сияющими пятнами на полотне и душой Беззащитного леса? Возможно, в душе леса заключены все те эмоции, что мы испытываем в нём ночью или днём, под солнцем или под звёздами, под дождь или ветер – и это и есть его душа...

Всё это похоже на какую-то шутку, и, наверное, все художники мира сейчас смеются над моими словами, но уймите свой смех, господа, если это так, потому что нам не смешно...

Самое странное в этом событии, что заставляет задуматься о многом и даже обо всём, так это то, что ни один из очевидцев не запомнил лица художника, ни одной его черты, будто бы это не дано взгляду человеческому, или же сам художник не желает этого. Как это возможно? Не убьёт ли нас это? Не сведёт ли с ума? Действительно ли, появился в нашем мире человек, способный нарисовать душу всего, чего только пожелает? Как выглядит секрет его творчества? Где искать этот секрет – в самих творениях или в жизни, что прожил художник? Что он нам принесёт своим даром – начало или конец? Пока что это лишь загадка. Кто знает, может быть, прямое включение на место событий прольёт свет на созданные нами вопросы...».

Картинка переключилась на корреспондента, который не был рад приветствовать свой хлеб в виде телезрителей и не был доволен тем, что подписался на сегодняшнее испытание.

Его серые глаза были запуганы силой ситуации, а неустойчивые ноги шли осторожно, боясь каждого, своего шага.

Оператор цитировал страхи коллеги, идя по тем же осторожным следам, спотыкаясь о те же неровности. У камеры дрожащий фокус, а объектив не ведаёт, что выдаёт, и это не похоже на ошибку.

С каждым шагом они приближались к полотну, оставленному художником в виде дара. Оно и правда сияло, оно действительно покрыто пятнами, состоящими из света. Но смогут ли добраться до него?

Шаги оборвались на полу-вздохе, и в воздухе разлился полумрак. Сначала тополь зарычал, как Бог. Раздался визг корреспондента, а оператор поскользнулся и упал, не выронив свой меч, в виде камеры. Грубые руки направили её в сторону рыка, и каждый телезритель стал свидетелем того, что у дерева было лицо с чертами человека.

Тополь был лишь началом, и продолжение не заставило ждать. Через секунду завывали ели и клёны, а затем и все деревья проявили в криках и рыках своих завидную синхронность.

Их плач пронзил каждого, кто не отказался от средств связи и сейчас сидел, молча, уткнувшись в монитор. Многие в этот момент отключили свои телевизоры, некоторые их разбили, не выдержав крика, но не Леро.

Её отец упал на пол, корчась от чужих рыданий, закрыв уши ладонями, словно его ладони что-то могут, а она смот-

рела на это, но делала вид, что не видит...

Тонкие губы корреспондента пытались что-то сказать или предупредить о чём-то, но его слов не разобрать за оглушительным рёвом деревьев. Все слова не уместны и не имели права быть в том месте.

Их в это место не звали, их в это место не сослали, как на смерть. У них был выбор, но выбор оказался, как рулетка. Поставили всё на чёрное, но ставка дала сбой.

Камера маячила от одного дерева к другому, когда корреспондент упал, как подкошенный, на влажную листву. Последним, на чём она остановилась, было полотно художника. Застыла на месте, а по экрану паутиной потянулись трещины, и связь с первым чудом света исчезла...

Леро не стала слушать, что говорил ведущий после потери связи и щёлкнула телевизор, сжалившись немного над отцом. Ей было не интересно, какую вызовут службу спасения и чем будут спасать корреспондента.

«Чем громче заголовок, тем меньше в нём правды. О правде говорить не интересно, и они о ней не говорят. Есть, конечно, в их словах частичка правды, но она настолько искажена, что навредит каждому из нас, а пользы от неё не дождёшься.»

Все переживания и беспокойства посвящены одному человеку – её художнику. «Где же ты теперь? Куда же ты бежишь, и, что с тобой творится?»

Леро скрестила пальцы, чтобы помолиться, а поднимаю-

щийся с колен, седеющий отец сказал ей: «Закрой рот!». Его серые глаза сверкали гневом, но гнев был немощен и страха не внушал.

Девушка с лёгкостью проигнорировала, довольно-таки, грубое замечание её молитвам и продолжила молиться о своём, и благодарить Бога за пищу, что благородно преподнёс им, и за то, что они ещё дышат в таком грязном мире.

– Это знак! Это знак, что конец близок! – закричал он, усаживаясь на стул, с которого упал минутой ранее.

– Что именно из увиденного тобою знак? – скептически обронила свой вопрос. – Художник или судьба журналистов?

– То, что произошло с ними.

«Так и думала! Тебя не изменить, и света среди тьмы ты различить не сможешь!», – подумала она.

– Вы все верите этому ящику, и поэтому всех вас мне жаль! Как могут два репортёра прибыть на событие века раньше власти?! Нами, что, правят журналисты?

– А разве нет?

– Я верю в конец света также, как и верят все. Тебе ли не знать об этом, Отец? Почитаю я тебя, боготворю, но мне известно больше о конце и о начале, чем тебе! Я верю в конец, но я верю и в художника, что лишь он способен всё исправить...

-Я не просил Бога дать мне такую жизнь, но она была мне дана. Я не знаю, для чего живу на этом свете, почему просыпаюсь каждое утро, встаю и приношу кому-то счастье и радость, кому-то горе и ненастья. Не знаю, мой друг, для чего мне эта жизнь, но она была мне дана, и я за это благодарен...

Иллиан неустанно делился с художником осколками своей души. Ему очень нужно это, иначе погаснет, иначе умрёт. «Поделишься и сам разберёшься в себе даже, если мне ничего не ответят, даже, если меня не услышат...», – уверен был он.

Художник слушал и молчал, глядел в дождливое окно автомобиля и примерял все его слова на свою жизнь. Они бы подошли к любой жизни, но не любая жизнь будет взаимна. «Для чего может жить человек, чья душа – наконечник стрелы?», – такой вопрос художнику пока что не по силам.

Вспомнилась история, которой сразу же поделился с Иллианом. История о умирающем от тяжёлой болезни мужчине, увидевшего на последних минутах своей жизни смерть во плоти такой, какой он её и представлял. Чёрный капюшон; костлявые руки, обтянутые тонкой и гладкой кожей; ужасное, мёртвое лицо с красными глазами, в которых огонь вместо зрачков. Да и весь образ был не лучше любой его частицы.

«За что мне всё это?» – кричал он на весь свой опустевший дом, когда смерть провела с ним рядом неделю. Ни на шаг не отошла, ни на шаг не приблизилась. Засыпаешь, гля-

дя в её огненные глаза и просыпашься от их света.

Когда смерть решила подойти на несколько шагов, человек почувствовал итог. Мужчина начал умолять её. Умолял не простить, не помиловать, а лишь ответить, для чего он жил, в чём был смысл его дороги, стоило ли ему рождаться, раз после себя не оставил ничего? ...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.